

ДЕВЯТЫЙ ВСАДНИК

Часть I

ДАРЬЯ АШЕЛЬ

Дарья Апфель

Девятый всадник. Часть I

«Издательские решения»

Аппель Д.

Девятый всадник. Часть I / Д. Аппель — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907789-9

1794 год. Европа охвачена огнем революции. Российская Империя также не остается безучастной к событиям на Западе. С этой целью императрица Екатерина Вторая отправляет в ряды австрийской армии своих доверенных людей. Одним из них оказывается юный поручик Кристоф Ливен. Сражения с якобинцами в рядах принца Кобурга, роялистское подполье в Англии, война с революционерами в рядах шуанов, поединки, роковые любви, а также мистические тайны — все что ждет его впереди.

ISBN 978-5-44-907789-9

© Аппель Д.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
ЧАСТЬ I Служба в Черном	7
ПРОЛОГ	7
Глава 1	12
Глава 2	19
Глава 3	33
Антверпен, октябрь 1794 года	44
Глава 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Девятый всадник

Часть I

Дарья Аппель

© Дарья Аппель, 2018

ISBN 978-5-4490-7789-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Граф, впоследствии светлейший князь Христофор Андреевич (Christoph Heinrich Reinhold Johann) фон Ливен (1774—1839) – генерал от инфантерии, генерал-адъютант трех императоров (Павла, Александра и Николая), начальник Военно-Походной канцелярии, посланник Российской Империи в Британии, кавалер 20 высших российских и иностранных орденов, «свидетель и участник величайших событий первой четверти 19 века». Все эти сведения о главном герое этого романа можно найти в любой энциклопедии. Обычно его имя упоминают лишь вскользь, в назывном порядке, вдаваясь далее в подробнейшие описания талантов и приключений его супруги Доротеи Христофоровны, урожденной фон Бенкендорф, дамы бесспорно яркой и выдающейся. Сам же граф, несмотря на впечатляющий послужной и наградной список, у многочисленных историков, литераторов и журналистов заслужил лишь такие эпитеты, как «серая посредственность», «скучный чиновник», а то и «бездарность», «ничтожество». Мне показалось это крайне обидным и несправедливым, и я более пристально взгляделась в его образ и личность. Никакой «серости» и «посредственности» я не обнаружила. Открылось много неожиданного и интересного, заставившего меня написать этот историко-мистический роман.

Св. князь с 1814 г. (или ранее) и до конца своих дней вел записки и дневники. От него осталось несколько тетрадей подобных «мемуаров», не отличающихся большой последовательностью изложения. Некоторые написаны на французском, но чаще встречаются записи на немецком языке. После его скоропостижной кончины бумаги были переданы его крестной дочери, княгине Марии Александровне Волконской, и оказались у меня по стечению обстоятельств. Я подумала, что грех ими не воспользоваться, и начала писать этот роман на их основе. Но потом решила, что герой явно заслуживает того, чтобы ему дали право голоса в моей книге. Поэтому повествование здесь ведется как от третьего, так и от первого лица. Вставки из записок графа Кристофа обозначены инициалами CR (так он иногда подписывал личные письма), и указан примерный год написания. Конечно, записи я передала не слово в слово, так как при художественном переводе на русский язык изменения неизбежны. Что-то мне не удалось разобрать. Но, надеюсь, я сохранила дух, стиль и смысл этих записок, не лишив повествование увлекательности.

12.2017

ЧАСТЬ I Служба в Черном

ПРОЛОГ

Его положили так, как кладут мертвых. Скрестили на груди руки. Острия шести мечей прикоснулись к его телу, и он ощущал холод их стали сквозь тонкий батист рубашки. «Отрекаешься от себя прежнего?»

«Отрекаюсь»

«Боишься ли смерти?»

«Не боюсь».

Несколько рук подхватили его под мышки и положили в каменный гроб, обитый изнутри темно-синим бархатом. Затем задвинули крышку. На миг стало страшно, но он помнил – бояться нельзя. Он закрыл глаза. Ему было очень тепло и спокойно. Такого он никогда не испытывал... Никогда? Нет, что-то подобное было, но очень давно, может, в детстве. Или даже раньше...

Тут его пробудил яркий, слепящий свет. Крышку сорвали, и над ним наклонялись Рыцари, в белых плащах с алыми крестами. Их лица были скрыты масками. Сияние был нестерпимым... Да-да, и это вспоминалось ему... Тогда хотелось закричать, но он не мог, что-то тогда ему мешало, давило. И сейчас тоже не получалось, но по какой-то иной причине, он не мог определить, по какой именно. Мечи Рыцарей – на сей раз всех двенадцати – снова скрестились на его груди.

«Восстань, брат наш, из тьмы к свету», – произнес один из них.

Ему помогли подняться, развязали руки и вывели на свет.

Так он родился для жизни вечной.

Так он вспомнил, как родился для жизни земной.

CR (1814)

Если приступаешь к собственноручным запискам, то надобно, как всегда, начинать аб ово (с начала). Так и поступлю, хотя, признаться, в романах и мемуарах эти эпизоды всегда пролистываю.

Я родился сорок лет тому назад, на двенадцатый год правления государыни Екатерины Алексеевны, поздней ночью с пятого на шестое мая, в имении близ Киева. По рассказам, погода тогда стояла совсем не весенняя, и за окном падал хлопьями мокрый снег, побивая буйный черемуховый цвет, появление которого, как известно каждому поселянину, предвещает возвращение холодов. Появился я на свет полумертвым и закричал не сразу. Перерезав пуповину, повитуха положила меня на стол и кинулась хлопотать над моей несчастной матерью, чудом выжившей после двух суток мучений. Через некоторое время она услышала слабый писк новорожденного и с изумлением убедилась в том, что он еще жив. Однако сия дама, принимавшая роды почти у всех киевских немцев, определила по опыту, что жизнь мне отмерена очень краткая – не более недели, и посоветовала быстрее меня окрестить.

На следующий день, в аптеке герра Брандта, служившей тогда местом молитвенных собраний для киевских лютеран, мне дали, по остзейскому обычаю, четыре имени: Кристоф Рейнгольд Генрих Йоганн. Первыми двумя именами меня нарекли в честь деда по отцу, о котором речь еще пойдет ниже, так как этот никогда не виданный мною предок, по сути, определил то, кем я являюсь нынче.

Описывать подробно свое родословие я не буду, ограничусь только тем, что, в отличие от многих моих соотечественников, наше семейство происходит не от пришлых германцев

или шведов, будь то рыцари, наемники или купцы, а от исконных жителей этих земель. Наш родоначальник был князем племени ливов (от названия которого и происходит наша фамилия) и первым из язычников крестился, подав пример своим подданным. Историю его жизни, довольно трагическую, каждый может прочесть в «Хрониках» Генриха Ливонского.

Остальные мои предки, подобно всем прочим *Baltische (прибалтийским немцам)*, служили сперва католическому Тевтонскому ордену, потом протестантским Меченосцам, шведским королям, до тех пор, пока в начале прошлого столетия Остзея не перешла во владение русским государям. Подобно, опять же, многим остзейцам, предки мои на протяжении многих поколений поступали на военную службу или хозяйствовали в собственных имениях, но так как после Ништадского мира те немногие богатства, которыми мы располагали, исчезли навсегда, военная служба осталась единственным поприщем, на котором кто-либо из нашего рода мог себя проявить.

К моменту моего рождения наш род ничем не отличался от остальных семейств служивых остзейцев. Впрочем, некая «золотая легенда» о том, что мы достойны большего, сохранилась с незапамятных времен, и я с малолетства знал ее.

Мой отец, Отто-Генрих, служил генерал-губернатором Киева, его назначали командовать несколькими крепостями и шестью артиллерийскими расчетами, отправляли воевать с турками и с Пугачевым, но в сражениях особо себя ничем не проявил, прилежно исполняя то, что ему было приказано. Он был значительно старше матери, как это часто водится в наших семьях. Мне сложно сказать, каким он был человеком, но знаю, что его стубило желание «властвовать над всеми в семье», как иногда говорила моя мать, а также склонность к пьянству, порожденная недовольством своей участью и карьерой. Под конец жизни отец пытался найти утешение в религии, но его не обрел, и умер без покаяния.

Моя мать Катарина Шарлотта Маргарита, рожденная фон Гаугребен, отличалась красотой, умом и прекрасным нравом.

В жены отец ее взял за синие глаза, золотые кудри и королевскую статью, так как никакого приданого за ней не давали. Ум и характер ему были не важны, а именно ими она и прославилась впоследствии, когда ее красота увяла окончательно.

От брака моих родителей на свет появилось десять детей, из которых до взрослого возраста дожило лишь шесть. Три моих сестры и брат, чьих имен я не помню, умерли еще младенцами. Остальные – старшие и младшие – сделали карьеры, хорошие партии, плодятся и процветают. Но я от них нынче далек, мне с ними нечего делить и нечем делиться. Упомяну лишь, что после меня родился брат Иоганн-Георг, которого матушка и сделала своим основным наследником, а затем моя любимая сестрица Катарина-Элизабет – наверное, единственная из своих ближайших родственников, с кем я веду регулярную переписку.

Первые годы жизни я практически не помню. По рассказам, ребенком я рос крайне болезненным. И если пытаюсь вспомнить о своем раннем детстве, то видится лишь постель, тусклый огонек свечи или слабый луч солнца через задернутые шторы, приглушенный шепот – ведь я почти всегда лежал или больным, или выздоравливающим.

До сих пор не понимаю, как я умудрился выжить и не сделаться идиотом и калекой после всех непонятных болезней, которые одолевали мое хрупкое тельце во младенчестве.

Годам к пяти я, однако, выправился, и мой отец записал меня в свой полк штык-юнкером, как водилось в те года повсеместно. Тогда отцы-офицеры определяли детей на службу еще в утробе матери, чтобы они не начинали с нижних чинов, что считалось недостойным дворянина. Таким образом, мое место в жизни было определено, и моя судьба должна была ничем не отличаться от судеб моего отца, дядей, кузенов и братьев.

С тех же лет начали довольно беспорядочно и поверхностно учить. В минуты своей трезвости, которые с годами становились все реже, отец занимался обучением нас той науке, которая полезна всем артиллеристам – математике, *die Königin von alle Kunde*. За непонимание

задачи или уравнения нам задавали хорошую трепку, что отвратило меня от этой точной науки надолго. Но занятия эти были столь же нерегулярны, как и занятия грамоте, за которую отвечал наш пастор. Оглядываясь назад, я бы не назвал себя хорошим и прилежным учеником, что немудрено – с эдакой-то системой обучения, основанной на страхе и тупой зубрежке. Природных способностей схватывать все на лету мне тоже не хватало. Так, к семи годам я с грехом пополам освоил немецкую грамоту и письмо, переписывая строки из Книги Согласия. Русского и французского в нашей жизни тогда не было – предполагалось, что последний нужен только придворным и тем, «кому деньги девать некуда», а русский мы уж как-нибудь сами схватим на уровне, достаточном для командования солдатами. Я уже молчу про греческий или латынь. В свободные минуты матушка еще учила нас шведскому, который в ту пору многие еще знали в Эстляндии. Для меня этот язык – почти как родной, часто всплывает в памяти.

Пробелы в науках компенсировались военной подготовкой – нас довольно рано начали учить стрельбе, фехтованию и выезде, ружейным артикулам и караульной службе, благо учителей в нашем доме хватало – все бесчисленные отцовские адъютанты и денщики. Надо сказать, что подобные упражнения пошли мне только на пользу.

Вообще же, очень странно, что мы жили в городе, считающемся матерью всех городов русских, но при этом ни с чем русским не соприкасались, словно изолированные от остальных стеной немецких обычаев и порядков. Все друзья семьи, ближайшие слуги и люди, которых мы видели ежедневно, – доктор, пастор, аптекарь, булочник и прочие, – были немцами (не всегда остзейскими, но тем не менее). Вокруг мы чаще всего слышали немецкую речь. Нам было сложно представить, что есть остальная Россия, и что город Киев – это не четыре улицы нашего предместья.

Все поменялось в один день. Мне тогда было шесть. Отец отъехал на охоту с большой компанией. Там он сильно перепил, у него открылась кровавая рвота, и через два дня его не стало. Я запомнил, как он лежал на столе, облаченный в свой парик, мундир с красными обшлагами, а в руку ему вложили шпагу. Стол был слишком короток для немалого роста покойника, и блестящие ботфорты со шпорами уже не умещались, придавая всей ситуации нечто неуместно-забавное. Нас обрядили во все черное. Кое-кто из слуг обливался слезами. Матушка хранила вид сдержанный и безучастный. Мы смотрели на нее и старались ей подражать. У нас всех это была первая смерть на памяти, поэтому мы не понимали, что надо плакать и почему надо плакать. Потом тело отца положили в гроб, обитый алой материей, закрыли крышку, повезли на кладбище. Пастор что-то долго рассказывал, потом дали шесть залпов над могилой – и все. Помню, что тот же герр Граль говорил матушке: «Господь вас не оставит» – и она только кивала и повторяла эти слова. В тот же вечер она сказала, что мы отсюда уедем. Добавила при этом: «Через сорок дней». По тому, как она произнесла эти слова, я понял: Господь нас все-таки оставил.

Потом я узнал, с чем связан такой скоропостижный отъезд. Вскрыли волю отца. Все имущество, кроме одного имения на задворках Курляндии уходило пастору Гралю. На эти средства тот должен был окончить постройку кирхи Святого Духа на Подоле. Нам семерым, таким образом, доставалось лишь то, что находилось в нашем доме, и это «заглазное» имение. За сорок дней матушка смогла распродать все – и те скромные драгоценности, какими владела, и мебель, и одежду, большую часть наших слуг – нанять подводу у какого-то еврея и, погрузив самое необходимое и нас всех на эту самую подводу, отправиться в Ригу. Где нас никто не ждал, несмотря на изобилие всяческой родни. Мы не воспринимали это событие всерьез. Для каждого из нас эта дорога представлялась веселым приключением, настоящим большим событием. О том, что непосредственно предшествовало ему, никто не вспоминал. Поездка на нищенской подводе была предсказуемо ужасной – распутица и сырость, стоянки на станциях, когда нам лошадей вообще не давали, дурная пища, постоянная тряска и бессонница.

...Нынче, когда я сделался важным генералом, от одного мимолетного взора которого любой станционный смотритель готов немедленно выдать мне лучших лошадей, я не забыл себя тогдашнего, белобрысого мальчишку в вылинявшей, доставшейся от старших братьев курточке, цепляющегося за юбку матери, которая униженно выпрашивала у жирного смотрителя дать ей хоть последнюю клячу. Она держала на руках моего разболевшегося ушами и оттого постоянно хныкающего младшего братика и чуть ли в ноги смотрителю не кланялось, а тот важно, свысока, бросал: «А что я могу сделать? Ждите, барыня». Тогда я впервые испытал болезненное, жгучее чувство стыда за нашу нищету и низкое положение.

В 1803-м, кажется, мы с Пьером Долгоруковым, проезжая через Белосток, увидели на почтовой станции совсем бедную женщину, по всей видимости, вдову, с двумя слугами и спящей на руках девочкой лет трех. Князь отправился требовать себе лошадей, но я дернул его за рукав и заставил уступить нашу очередь этой даме. Она – по чистой случайности или по воле судьбы – оказалась тоже остзейкой, кричала мне вслед «*Herr Excellenz! Danke schön!*» что заставило потом Пьера в очередной раз пройтись на избитую тему «немцы тащат немцев». Но в тот миг, когда я ей помог, я вновь вспомнил себя чумазым мальчишкой на дороге из Киева в Ригу, и иначе поступить просто не мог.

Когда мы приехали в Ливонию, оказалось, что мой батюшка рассорился со всей своей родней, которая – в отместку ли ему или по причине собственной обездоленности – отказалась нас принимать даже на время. Матушка поселилась у одного из сослуживцев отца, потом смогла снять дом в Задвинье – скверном рижском предместье, где мы и прожили два года в полнейшей безвестности и бедности. Дом наш находился на самом берегу Двины и был выстроен чуть-чуть поосновательнее крестьянской избы. Подвал почти полностью уходил в песчаную почву, там, помнится, водились мокрицы и жабы, которых жутко пугались мои сестры. Вдалеке, за рекой, можно было увидеть рижские шпили и пузатый замок губернатора, – тот мир, в котором нам ход заказан. Хотя время от времени то ли наша нянька, то ли матушка говорили, что «не того мы заслуживаем». И тогда в ход шли легенды о древности фон Ливенов, о нашей старой крови, о том, как засевшие в «большой Риге» потомки купцов носят незаслуженные гербы. Я слушал все эти разговоры. Смотрел на себя и на своих тогдашних товарищей по играм – латышских мальчишек – и не видел особых различий. Кровь же из наших разбитых локтей и коленок текла абсолютно неотличимая на вид – ярко-алая. Мы даже одевались похоже – нищета уравнивает господ со слугами.

Итак, мое детство ознаменовалось полными – и подлинными *egalité et fraternité* с теми сословиями, которые кое-кто зовет «черню». С тех пор мне невозможно считать крестьян или слуг ниже себя, а тем паче, приравнивать их к бессловесным тварям, как делает кое-кто из моих русских и британских знакомых, даже те, кто полагает себя «просвещенными людьми».

С ту пору с грехом пополам пыталась учить сама матушка, – если нет средств на мясо, на сапоги и на новое платье, откуда будут деньги на школу и гувернеров? Грушен – то самое «заглазное» имение – продали, но выручить за него хорошие деньги не удалось. Еле-еле удавалось закупать дрова, самые плохие, тепло от которых не могло отогнать постоянной сырости и холода с реки, проникающей в кости. Не с тех ли времен моя ненависть к пресловутой *Kurländische wetter*, которая на моей исторической родине стоит девять месяцев в году?

Мой старший брат Карл пытался заменять отсутствующего мужчину в доме, но что мог 14-летний отрок? Как и отец, он пытался втолковать нам те начатки математики, которые сам успел усвоить, но он отличался очень горячим и нетерпеливым нравом, поэтому вялыми отцовскими пощечинами дело не ограничивалось. Когда Карл в одно прекрасное утро избил меня за непонятливость и дерзость так, что я потом три дня ходить не мог и мочился кровью, матушка строго положила конец этому, с позволения сказать, образованию.

Так бы мы и прозябали в нищете и безвестности, если бы осенью 1783-го не случилось то, что вошло в анналы нашей фамильной истории: «Благородная вдовица восстановила

померкшую славу мужнего рода». А точнее, матушка неожиданно попала «в случай», как тогда говорили. Die Alte Keizerin, как мы называли Екатерину Великую, став многократно бабкой, решила найти честную и непредвзятую женщину из своих прибалтийских подданных, дабы воспитать своих внучек достойными особами. Она обратилась за сим к губернатору Риги фон-Броуну, а тот вспомнил о моей матушке. Губернатор приступил к ней с предложением; ее пришлось долго уговаривать. Более всего матушка беспокоилась за нравственность моих сестер – да и за нас в целом. Слухи о том, что творится при «Большом Дворе», ходили страшные – мол, и древние римляне бы покраснели, узнав, что творит «эта Мессалина», как недоброжелатели называли Alte Keizerin. Вняла требованиям и мольбам фон-Брауна она только после того, как тот заметил нас с Йоханом, бегающих по дому босиком, и указал матушке на это. Я ничего этого не помню – ни визита, ни почтенного старика Броуна – все по рассказам матушки, с каждым разом обрастающим все большими подробностями. «Ради них», – и она указала на нас, – «Я и соглашаюсь». После этой эпохальной речи ее отвезли в Петербург, на аудиенцию к самой государыне, где матушка, ничуть не стесняясь, успела пожаловаться одному из придворных на сложность предстоящей ей задачи: мало того, что она не знает даже французского, считающегося обязательным для любой гувернантки, – она понятия не имеет, каким образом воспитывать юных девиц в «этом вертепе». Матушкины lamentации подслушивала сама государыня, которая нисколько не разгневалась (о, воистину мудрая женщина!), а заверила, что ни будущая гувернантка, ни ее дети ничего «такого» не увидят, и что она, баронесса Шарлотта-Маргрета фон Ливен, – именно та женщина, которая ей нужна. Через месяц нас забрали из нашей избенки в Петербург. И началась блистательная жизнь. О бедности можно было забыть навсегда. Но настало другое.

Нас записали в хороший полк, но перед тем, как начать службу и выйти в жизнь, нам предстояло проделать нелегкую работу – превратиться из «неотесанных» в *competentis*, чтобы не стыдно было показываться в высшем обществе. Матушка, конечно, и до того проделала великую работу, привив нам начатки манер, такта и светской сдержанности, а еще больше – упорства и трудолюбия. Дело оставалось за малым – за знаниями и умениями, приличествующими аристократам. За краткие 5 лет я выучился всему, что знали мои друзья, детство которых протекало в более тепличных условиях – свободно болтать по-французски и не столь свободно – по-русски, разбирать латынь, а также снова занялись военными упражнениями, которые стали более интенсивными.

Абсолютному большинству моих сверстников такое «образование» пришлось в самую пору, но я всегда смутно чувствовал – я могу знать, уметь и помнить большее. Иногда я задумывался, – а почему бы не кончить курс, например, в Лейдене или в Гейдельберге? Вместе с тем я понимал, что это желание не найдет поддержки ни в ком. Ни один фон Ливен отроду не кончал никаких университетов. Впоследствии я со всей свойственной первой молодости легкомысленностью подавил в себе желание идти дальше по пути просвещения. Тем более, меня только зачислили в полк – и началась невеликая война со шведами. Утром вяло перестреливались, вечером пили шампанское вместе с вражескими офицерами. Я имел случай отличиться в бою при Фридрихсгаме, потом свалился с гнилой горячкой, а пока выздоравливал, объявили перемирие. Однако мое «отличие» и моя «храбрость» не прошли незамеченными, и я быстро был пожалован в офицеры, что надолго сделало меня счастливым.

...Никто тогда не знал, что нам готовит рок. Ходили смутные рассказы о перевороте – *la révolution* – во Франции, о свержении тамошнего короля, о вероятной большой войне. Но ни я, ни мои товарищи не задумывались о том, что в событиях, о которых мы узнавали из газет и смутных пересказов, нам вскоре предстоит сыграть большую роль.

Глава 1

Рига, осень 1793-го

Свадьбу младшей дочери баронессы Ливен отмечали воистину со столичным размахом. Погоды стояли великолепные – словно лето снова вернулось во всей своей красе. И звенели колокола собора св. Петра, и народ столпился поглазеть на прекрасную шестнадцатилетнюю невесту и не столь прекрасного, но весьма представительного и, главное, богатого жениха. Бурхарду-Кристофу фон Фитингофу от отца досталось пол-Лифляндии. Приданое красавицы-невесты, отправившейся под венец в расшитом жемчугами палевом платье и скромно перехваченными нитями из тех же жемчужин, но только в три раза крупнее, волнистыми волосами цвета зрелой пшеницы, было не таким внушительным и состояло, главным образом, во влиянии ее матушки при Дворе. Фрау Шарлотта была тут же, сменив свой вечный траур на строгое платье темно-лилового цвета. С нею присутствовали все ее чада и домочадцы, а также множество других родственников.

...Кристоф, брат невесты, поручик Семеновского полка, всю церемонию скучал, рассматривая от нечего делать витражи – вот епископ Альбрехт принимает поклон у местных жителей, ставших его вассалами; вот высится приземистым полукругом Рижский замок; дневной свет причудливо преломлялся в витражах, отбрасывая алые, рыжие, зеленовато-синие тени в полумрак собора. Голос пастора, пение хора и гул органа доносились до него как сквозь пелену. «Не надо было столько пить», – грустно подытожил он свое состояние. А ведь вчера было крайне весело... Бурхарда провожали в женатую жизнь. От того вечера и ночи остались смутные воспоминания и глухое чувство стыда – смятая постель, тонкий женский визг, разбитый хрусталь, вкус тошноты во рту, снисходительный смех не пойми уже кого... «Если можно, повторим», – то шепнул его кузен Карл, толкнув его в бок. «Иди ты», – сказал Кристоф без особого выражения, поминутно оглядываясь – не услышали ли важные тетушки, как одна, вытиравшие слезы платочком от умиления – а то и от зависти. «Нет, я серьезно», – продолжал его кузен, которому тоже было крайне скучно. «А то поехали от всех них в Мерцендорф». «Что там делать?» – младший из юношей подавил зевок рукой. «Охота сейчас открылась». Тут на них шикнули, и юноши смиренно выпрямились, словно их заинтересовала вся церемония.

«А чего бы не поехать?», – фон-Ливену младшему было все равно. В имении своего дяди он давно не был, охотиться любил, а все больше ему хотелось немного забыться от бесконечной службы и Петербурга. Отчего-то в свои девятнадцать ему казалось, что жизнь он упускает. Кристоф безумно завидовал своему брату Карлу, щеголю и задире, вышедшему давеча в полковники. Вот он сидит на передней скамье с видом хозяина в жизни; когда сестру он, на правах старшего кровного родственника, повел к алтарю, взяв под руку – его перепутали с пухлым низеньким женихом и доля ликований зевак досталась ему. «Почему меня никто никуда не берет?» – спрашивал себя, а иногда и матушку свою Кристоф, но ответ был один – слишком он юн, свою долю почестей и славы получит в свое время, которое все не наступало. «Я же стараюсь... Неужели мне всегда бывать вторым после старшего брата?» Но он понимал – дело не в Карле. Дело в отсутствии чего-то особенного, отличавшего его от многих других. Разве что весьма авантажная внешность. Худенький, болезненный мальчик превратился в стройного, высокого, белокурого и синеглазого юношу, на котором девицы и дамы останавливали благосклонные взгляды чуть долее обыкновенного. Впрочем, мало ли в свете красавцев? «И что это мне дает?» – думал он, глядя в зеркало. «Разве что в чьи-либо аманты идти...»

«Аманты»... Само это слово связывалось со вкусом прокисшего вина и досужей вульгарной болтовней. И со слухами про die Alte Keizerin: «Ты, Кристхен, поосторожнее при Дворе, иначе тобою заменят Платошу Зубова...» «Это предположение вызвало тогда в нем гнев, еще и усугубившийся шампанским. Кажется, он полез бить морду говорившему. «Слушай, Карл.

Меня вчера никто на поединок не вызывал?» – тихонько спросил он у своего кузена, который от скуки болтал ногами под лавкой. «Унгерн-то? Да он сам на ногах еле держался», – проговорил тот. «А ты на него не обижайся. Он сумасшедший...». «Но дело так оставить нельзя», – нахмурился Кристоф. «Проливать чужую кровь на свадьбе собственной сестренки – это как-то...», – вздохнул Вилли. Их беседу прервала фрау Шарлотта, строгим голосом произнесшая: «Вы ведете себя неблагопристойно, и от тебя, мой сын, я этого более всех не ожидала». Пришлось демонстративно отвернуться от кузена и считать минуты, покамест эта тягомотина, называемая «венчанием», закончится. «Неужели только в фавориты я и годен?» – думал он. «Но в фавориты этой...» Одним из кошмарных снов и сюжетов болезненного бреда было для него соитие со страшной толстой старухой, повергающей его наземь и овладевающей им. Он пытается ее сбросить с себя, но противостоять как этому ненасытному и мерзкому существу, так и внезапно, против его воли явившемуся желанию, Кристоф был не в силах. Лица его мучительницы он никогда не мог запомнить, но воображал, что она все же похожа на старую государыню. И наяву, сам того не сознавая, страшился разводов и караулов, всех тех случаев, когда он мог бы попасться на глаза правительницы. Платон Зубов старше его самого всего лишь на семь лет. Кто знает, может быть, «благосклонный лик» обратится и на него? От фавора же не откажешься... «Не беспокойся. Она не любит немцев», – кто-то тогда, на попойке, сказал. – «Хотя Зубов и впрямь герой...» Нет. Таким героем он был не готов стать. А другого «случая» для себя не видел. И сейчас мысли об этом сливались с общей похмельной тоской.

...После венчания они с кузеном, не оставаясь на свадебный пир, уехали в тот самый Мерцендорф. Они отправились верхом, переговариваясь между собой, как ловко провели всех и скрылись от безумных тетушек и дядюшек, которые их бы усадили играть «по маленькой» в вист. Кристоф несколько беспокоился тем, что Катхен, его новобрачная сестра, страшно обидится на него, но утешал себя тем, что два месяца назад смог вытерпеть ее скучнейшую помолвку и отсидел весь срок венчания, так что на оставшихся торжествах имеет полное право не присутствовать. Вечер спускался на землю медленно, тая в дальней туманной дымке, покрывавшей лес. Медленно падали золотистые листья, устлая землю. Несмотря на веселую болтовню, Кристоф по-прежнему чувствовал некую меланхолию, как в модных сентиментальных романах, которыми зачитывались его сестры. Казалось, здесь он последний раз. А что дальше?

Сумерки окончательно сгустились. Кривоватая лесная тропа превратилась в длинную подъездную аллею, которую стерегли старые, сплетающиеся кронами липы. Господский дом – приземистое строение о двух этажах, недавно покрашенное желтым, с недавно пристроенными белыми колоннами и родовым гербом – пять лилий и три звезды – на фасаде – приветливо манил огоньками. «Нас не ждут», – усмешливо проговорил Карл. – «Небось, думают, что мы в Риге гуляем». «Я представляю», – мрачно добавил Кристоф. – «Как нас там клянут». «Кто клянет? Молодым не до нас нынче», – усмехнулся его кузен. – «А что до всех прочих – черта ли в них?» Его собеседник понимающе улыбнулся. Увидев, как навстречу выходит старый дворецкий с фонарем, они спешили, и отправились к позднему, наскоро приготовленному ужину.

CR (1817)

Те дни осени 1793-го, проведенные мною в Мерцендорфе, поместье моего кузена барона Карла фон Ливена, оказались для меня решающими. По сути, мы ничем полезным не занимались – я пытался найти в его небогатой, доставшейся от отца библиотеке что-то интересное для чтения, но попадались всё сплошь хозяйственные альманахи, молитвенники и один назидательный роман без конца и начала – обложку и первые страницы съели крысы и плесень. Погода стояла на редкость хорошая для этого времени года. Охота была тоже неплохой – каждый день я приносил десятка два уток, вальдшнепов и бекасов, мы сами их ощипывали и жарили на вертеле. Разговоры нам вскоре прискучили. До конца моего отпуска была еще

неделя, когда внезапно я нашел то, чего, как впоследствии оказалось, слишком долго искал. Но тогда я не понял всего значения этой находке.

Как-то раз, от нечего делать, я, объезжая окрестности, решил зайти в некую полуразвалившуюся постройку на северо-западной окраине парка, переходившего в лес. Издалека она напоминала то ли часовню, то ли руины какого-то оборонительного сооружения. Кузен мой не мог с точностью ответить, для чего она предназначалась, только плечами пожал. С виду здание казалось очень необычным, возможно, времен крестоносцев, – тем оно и привлекло мое внимание. Надо сказать, в Лифляндии и Эстляндии таких руин гораздо меньше, чем можно себе вообразить – мы не романтическая Бавария и даже не Гессен, народ у нас по большей части нищ и все сколько-нибудь годное, что осталось без пригляда, растащит по кирпичикам. То, что до сих пор можно увидеть как свидетельство тех полупоэтических времен, когда земли ливов и эстов завоевывали огнем и мечом наши предки, сохранилось исключительно благодаря энтузиазму и интересу отдельных помещиков. Однако к той загадочной постройке, которая привлекла мой интерес осенью 1793-го, это утверждение не относится. Мои родственники, несмотря на всю свою практичность и скромную бедность, просто не обращали внимания на то, что над деревьями их запущенного парка возвышаются какие-то остатки старины глубокой. В то утро, – как помню, довольно хмурое, – когда кузен отлеживался, а мне не спалось, я решил выяснить загадку руины с заколоченными окнами и отправился туда.

Дверь, когда-то отличавшаяся прочностью, рассохлась и, несмотря на внушительный, хотя и проржавевший замок, я смог без труда проникнуть внутрь, чуть тронув ручку. С собой я предусмотрительно догадался взять свечу и тут же запалил ее. Стук моих сапог гулко раздавался по разбитому каменному полу. Своим явлением я вспугнул рой летучих мышей и каких-то мелких темных птиц, заметавшихся под решетчатыми балками потолка. Крыша сохранилась в более-менее приличном состоянии. Внутри почти ничего. Сводчатые окна заколочены извне крест-накрест деревянными досками. Судя по состоянию и сохранившимся фрагментам архитектуры, здание построено не так давно, может быть, в прошлом или в начале нынешнего столетия. Возможно, оно и впрямь было заброшенной кирхой – на это указывала полукруглая форма здания, высокие сводчатые окна, возвышение прямо напротив входа, напоминающее алтарь. По мере осмотра я все более убеждался в этом своем предположении. Я подошел поближе к «алтарю» и увидел лестницу, ведущую к двери, расположенной прямо под забитым окном. В ту пору я был молод и крайне любопытен, поэтому, недолго думая, отправился прямо по лестнице, страшно заскрипевшей у меня под ногами. Дверь поддалась не сразу; ее проем оказался довольно низким – ниже моего собственного роста. Я почему-то вообразил, что за ней находится клад. После четвертой попытки она чуть приоткрылась, и я, приложив некоторую силу, вступил в небольшую комнату. Свеча у меня почти что догорела, а запасная осталась в седельной сумке. Но, к счастью, здесь было довольно светло: окна под самой крышей, отчего-то не заколоченные, пропускали неверный свет. Передо мной стоял круглый – абсолютно круглый – стол, занимающий почти всю комнату. На стенах висели чьи-то потемневшие портреты и картины без рам. Я обошел их, пытаясь разглядеть изображения. Один портрет я смог признать – ровно такой же висел в галерее Мерцендорфа. На нем был изображен наш с кузеном общий дед и мой тезка, Кристоф Рейнгольд (он же Роман Иванович) фон Ливен, Freiherr, кавалер русских и шведских орденов, противник герцога-конюха Бирена и сторонник легендарного фельдмаршала Миниха, с внуком которого недавно породнилась моя сестрица. Вроде бы, я уже видел этот портрет, и черты моего не столь далекого предка были знакомы мне, но что-то заставило меня задержать на нем взгляд. Дед был написан обряженным в алый кафтан с белом кружевном жабо, в тупее, перехваченном черной лентой. Все, как на портрете в «большом доме». Но было одно различие. Здесь на его плечи был наброшен то ли плащ, то ли шинель – белого цвета с алым подбоем, как, пишут, носили римские легионеры или же рыцари-храмовники. Тонкие пальцы деда держали край этой загадочной мантии. И внизу, прямо на холсте,

подпись готическим шрифтом: «Castitas et Cognito». Почему-то на этом портрете дед вышел особенно похожим на меня – точнее, на того, кем я мне было суждено стать лет через 20—30. Мне сделалось несколько не по себе. Я обошел каждый уголок комнаты, обнаружив всего двенадцать портретов незнакомых людей. Все они носили белые плащи с алой подбивкой. Люди, судя по их одеждам и пудренным парикам, жили примерно в одно время с дедом – в 1730-е годы. Внизу – подписи той же готикой. Одни я разобрать и перевести смог, другие были для меня уж слишком мудреными. Тринадцатый портрет представлял собой пустой холст. На нем можно было увидеть лишь причудливо нарисованный крест – даже не крест, а цветок о шести лепестках на длинном стебле. С.Р. – было подписано внизу. Я бы, может быть, разглядел еще что-то, но свеча погасла и в комнате потемнело – начал накрапывать дождь. Чувство того, что я нахожусь там, где находиться не должен, только усилилось. Это был не страх, а некое томление души, тревога, словно сейчас произойдет что-то нехорошее. Взяв себя в руки, я рассудил, что пора уже выходить, и развернулся. Вдруг я увидел на уровне своих глаз – прямо над дверным проемом – надпись на немецком: «Каждый может сюда войти, не каждый сможет выйти». Я только выругался. Потом быстро покинул таинственную комнату, стараясь не оглядываться, хотя соблазн был велик. Казалось, я очутился в какой-то глупой сказке или в «страшном» романе г-жи Радклифф, которые тогда только входили в моду. В главном зале было темно, летучие мыши чуть ли не врезались в меня на лету, но я направлялся к выходу, стараясь не думать, что означает все мною увиденное. Мой конь Алмаз, почувствовав мое состояние, сначала отпрянул от меня, и мне стоило больших усилий вновь оседлать его. Дав коню шпоры, я ускакал прочь от этой проклятой руины.

Кузену я сказал, что он был прав – это никуда не годный сарай, его бы лучше снести и построить на его месте нечто более приличное и улаждающее взгляд – желательно, в новом стиле, с колоннами и портиками. Но фраза, начертанная над выходом из комнаты, где я видел портрет своего деда в окружении других лиц, врезалась мне в память навсегда: «Каждый может войти, не каждый сможет выйти». Так и оказалось. Я оттуда так и не вышел.

СПб, ноябрь 1793-го.

...Когда Кристоф заявил категорично, за очередным семейным обедом, что решил перевестись на флот, воцарилось такое молчание, словно он сообщил о том, что обесчестил некую благородную девицу и теперь обязан жениться, пока последствия не проявили себя явным образом. Или что он переходит в православие, либо, тем паче, католичество и удаляется в монастырь.

Фрау Шарлотта посмотрела на него пристально, изучающе. Она знала, что, раз этот ее ребенок принял решение, то вряд ли когда он откажется от него откажется. И ничто его не может переубедить. «Ты уже подал рапорт?» – проговорила она медленно, выделяя каждое слово. «Идиот», – быстро подхватил, пользуясь паузой, ее старший сын. – «Какую ты там карьеру сделаешь? Здесь тебе через два года светил бы полк». «В гарнизоне», – усмехнулся Кристоф, радуясь втайне тому, что ему не придется сейчас давать ни утвердительного, ни отрицательного ответа матери. «Мы такие гордые, что нам и гарнизон не по нраву?» – брат измерил его с ног до головы. «Ты поссорился с кем-то?» – догадалась их мать. – «Неужели с Наследником?» От этого предположения все застыли в изумлении и ужасе. Служанка, вошедшая за общий стол с подносом в руках, поняла, что господам пока не до жаркого, поэтому осталась в дверях, глядя на возмутителя спокойствия. Кристоф снес эти взгляды.

«Mutti», – отвечал он. «Ежели бы такое случилось, то вы бы узнали об этом первой. Что же касается карьеры, то я не заинтересован в ней». Фрау Шарлотта возвысила голос – такое с ней случалось нечасто. Все инстинктивно вжали головы в плечи. «Не заинтересован? Кто тебя научил произносить такие слова? Какие-нибудь вольнодумцы? После всего, что я для вас – для каждого из вас! – сделала, ты, как неблагодарная свинья, смешиваешь мои деяния

с грязью!» – она с шумом отодвинула от себя приборы. Потом, как ни в чем не бывало, командовала служанке на ломаном русском: «Марья, подавай жаркое».

Кристоф вынес эту гневную тираду. Аккуратно разнял сжавшие его рукав пальцы сестрицы Катхен, шептавшей: «Зачем ты так? Ну зачем? Она же тебя проклянет!» Словно отвечая на взволнованный шепот сестры, проговорил вслух: «Ежели вы, матушка, хотите меня проклясть и лишиться наследства, то делайте это сейчас». Его старший брат встал из-за стола и угрожающе двинулся к нему. «Карл!» – снова повелительно произнесла фрау Шарлотта. «Оставь его». «Но, матушка...», – щеки ее первенца пылали праведным гневом. Остальные присутствующие сидели ни живы, ни мертвы. «Ты хотя бы о Катхен подумал!» – проговорил Фридрих, указывая на красноречивое положение юной баронессы Фитингоф, – она была на седьмом месяце беременности. «Карл. Ему двадцать лет скоро будет. Поздно», – проговорила мать семейства. – «Пусть поступает, как знает. Завтра ему придет счет – сколько всего он должен мне и вам. Ему остается только рассчитаться». «Это низко», – проговорил Кристоф. «Зато справедливо», – парировала фрау Шарлотта. «Итак, договорились», – он встал из-за стола, церемонно раскланявшись с ними. – «Вы отправляете мне счет, я думаю, как смогу по нему расплатиться, и только потом подаю рапорт о переводе меня в Гвардейский экипаж. Прощайте».

Его проводила потрясенная тишина. Он взял шинель из рук камердинера, вышел на улицу, подставляя пылающее лицо под мокрые снежинки, сыпавшиеся с низкого неба. Что ж, наверное, все он сделал правильно. К этому разговору Кристоф готовился не первую неделю. «Кристин!» – он оглянулся и увидел своего второго брата Фридриха, который весь этот роковой разговор хранил ироническое молчание. «Я тебя понимаю». «Надо же», – усмешливо отвечал барон. «Но... только почему на флот?». «Потому что мне суша опротивела, положим», – проговорил Кристоф, уже высматривая извозчика. – «И вот эта погода». «Это понятно, но я бы на твоём месте отправился в наемники». «Кому я нужен?» – извозчик остановился, и младший из баронов фон Ливенов вскочил в него. «Кому-нибудь. Хоть австрийцам...», – проговорил напоследок Фридрих.

...По возвращению к себе на квартиру Кристоф нашел письмо. Конверт никак не подписан. Он раскрыл его. Выпала записка. Несколько фраз по-французски: «Те, кто ищут, обрящут. Тех, кого ищут, найдут. Не спеши и все придет». «Безумие какое-то», – подумал он, и спросил у своего камердинера, кто принес этот конверт, но не получил ответа. Возможно, чья-то шутка. На душе у него было неприятно после разговора с матерью. Когда он избавится от власти семьи? Когда он станет мужчиной, а не мальчиком? Глупая война со шведами, на которую его послали, не сделала его настоящим воином. Служба в Гвардии – тоже. Нужно нечто большее. Иногда он вспоминал увиденное давеча, в сентябре, в потайной комнате. После этого визита у него и появилось желание что-то поменять в своей жизни. И да, как-то прославиться. Почему-то ему казалось, что его будущее лежит совершенно не в той стране, которой уже третье поколение служили фон Ливены. Фрицхен предлагал идти в наемники – ерунда. Кристофу не хотелось никому служить. Тем более, за деньги. Поэтому он ухватился за идею о флоте. При случае, если вновь будет война с Портой или якобинцами (о возможности отправки экспедиционного корпуса к границам новоиспеченной Республики говорили уже не первый год, но воз оставался и ныне там – Государыня была слишком мудра, чтобы вмешиваться в мало касающиеся ее дела, к тому же, в Польше творилось невесть что), можно и отличиться. Такая служба предоставляла возможность увидеть свет. А этого Кристоф хотел более всего.

Он перечитал записку. «Нет, шутка чья-то. И где здесь смеяться?», – проговорил он, готовясь спалить ее на свечке. И только поднося листок к неверно колеблющемуся пламени, он разглядел – подпись-то на записке была. СР. Минутное воспоминание – таинственная комната в мерцендорфской «часовне»; красный крест – или роза? – на холсте, и эти две буквы. Совпадение? Возможно. Может, обращение к нему? Он же Кристоф Рейнгольд. Тезка своего деда. Кстати, тот, возможно, сам нарисовал эту причудливую картину и подписал ее своими иници-

алами. Но тогда бы, по всем правилам, обращение поставили в начале – не в конце. И мало кто знал, что полное имя «Ливена-третьего» – Кристоф Рейнгольд. В семейных анналах, на форзаце матушкиного молитвенника он остался как Кристоф Генрих – остальные имена не вошли. Русские вообще вопросами имен своих немецких сослуживцев не озабочивались, переиначивая на свой лад – в Петербурге он звался Христофором Андреевичем. Так бы и обратились. А тут... Тайны какие-то.

Он спрятал записку в ящик стола, не в силах избавиться от нее. Да и имело ли это смысл? Но осталось общее чувство смутной тревоги. Или, скорее, предчувствия, что скоро все противоречия разрешатся. Кристофу долго ждать не пришлось.

CR (1826)

После одного памятного разговора, когда матушка вознамерилась отречься от меня из-за явно высказанного мною желания оставить службу в Гвардии, прошло не так много времени. Я со дня на день ожидал, что по почте счет мне пришлют и уже начал подсчитывать, кому и сколько я должен и какое количество свободных средств остается в моем распоряжении, но ничего не происходило. Возможно, матушка меня простила. А, может, разглядела, наконец, то, в чем я убедился неделей ранее.

...Когда нас только представили ко Двору и вписали в круг приближенных лиц, матушка собрала нас всех и строго-настрого сказала, чтобы мы молчали обо всем, что увидим, старались не вмешиваться и свое мнение не высказывать, даже если у нас его спрашивают. Также она посоветовала «друзей не заводить, и врагов, по возможности, тоже». Это один из немногих заветов моей родительницы, который я соблюдаю до сих пор. Ибо я видел, что творится с чересчур разговорчивыми и прямолинейными. Каюсь, у меня и ныне нет желания писать то, что я увидел. Хотя мои наблюдения, вероятно, уже могут быть отнесены в категорию исторических. Как-никак, с той поры прошло около 30 лет. Поэтому выскажусь.

И слепому было ясно, что *die Alte Keizerin* находится во вражде к своему единственному законному сыну и наследнику, которому вскоре было суждено стать моим государем. Малый и Большой Двор друг с другом практически не общались. Будущий государь Павел Петрович был бы счастлив участвовать в деле управления Империей, если бы над его вкусами и идеями не потешались придворные – от мала до велика. Его упрекали в пруссофилии, в чрезмерном почитании Фридриха Великого, в незнании окружающих реалий. Мать явно дала понять, что единственное, почему она его терпит – это его дети, будущее Империи. *Die Alte Keizerin*, питая далеко идущие планы, отобрала у него двух старших сыновей с намерением воспитать из них образцовых людей и государей. Дошло до того, что она переменила завещание, назначив Александра своим прямым наследником. Вероятно, государыня полагала, что проживет еще довольно долго, и ее сын умрет раньше нее. Или, что скорее всего, считала его столь же неспособным, как его отец Петр Федорович, думала объявить его таковым и отстранить от всяческого управления. Постоянное затворничество молодой великокняжеской четы в Гатчине доказывало реальность ее намерений.

Мы с братом Йоханом долгое время числились в «юных друзьях» великих князей Александра и Константина. У нас не было никаких официальных должностей (хотя Йохана впоследствии все же назначили адъютантом Александра Павловича), но нам давали понять, что мы должны быть рядом с ними всегда, вроде телохранителей. Нас записали в полк, личным шефом которого был старший из великих князей. Надо добавить, что, насколько добродетельным был (или, скорее, хотел казаться) Александр, настолько же распутным был Константин. Матушка несколько беспокоилась, что мы подпадем под влияние последнего, поэтому наказывала нам держаться от него подальше. Этот завет мы тоже исполняли весьма тщательно – сразу стало понятно, что с Константином лучше не связываться. Надавать пощечин или вызвать его к барьеру было невозможно и приравнивалось бы к *lèse-majesté*. Сглатывать обиды и позволять

обращаться с собой как с последним холопом – значило, высказывать себя низкопоклонником, а не я, ни братик к таковым сроду не принадлежали. Иначе же этот великий князь общаться с людьми не умел. Что касается Александра, то мне даже удалось завоевать его доверие. Мы были одних лет, и во мне он видел доверенное лицо, почти что друга. Но после того, как он сообщил, что видел завещание в пользу себя и в обход своего отца, я горько пожалел о том доверии, которым до этого даже гордился.

Потом он спросил моего мнения. «Что мне делать, Ливен? Уступать ли отцу или покоряться воле бабушки?» – говорил великий князь, сжимая мою руку. Я отлично помню этот день. Длинные тени сумерек ложились на гобелены в малой гостиной. Прекрасное, ангельское его лицо было темно и печально. Что я мог ему ответить? Некоторое время я молчал, опустив глаза. От меня требовали, ни много ни мало, – решения судьбы России. Будет ли править Павел Петрович, известный уже мрачным и подозрительным нравом, любовью к муштре на прусский лад и ненавистью ко всему, что сотворила за 30 лет правления его мать – даже и к ее благим начинаниям? Сложно сказать, что ожидать от такого царствования. Но, по крайней мере, он уже взрослый и опытный мужчина. Мой юный венценосный друг, при всех его добродетелях – не более чем мальчик. Даже не слишком честолюбивый мальчик. Его учитель La Нагре, крайне просвещенный человек, заставил его верить в равенство всех людей, в золотые идеалы Руссо, в то, что никто не создан выше других и не имеет морального права ими управлять. Я сам тогда не был знаком с этими идеями – в те годы я предпочел оставаться при своем невежестве.

«Ваше Высочество. На Вашем месте я бы следовал порядку старшинства», – произнес я тихо. Это был первый, но не последний мой совет, который я давал этому государю. «Я тоже так полагаю», – отвечал Наследник в тон мне и приобнял меня. Как оказалось, с тех пор я завоевал его окончательное доверие и показал свою преданность. Но в то время мне об этом было невозможно узнать. Тогда я чувствовал, что замешался туда, куда не должен был и сказал то, что не должен был говорить. Неизвестно, кто еще знал про этот манифест-завещание. Возможно, я был первым и единственным хранителем этой тайны, кроме, естественно, особ, фигурирующих в этом манифесте. От того-то я и подумал, что мне стоит вообще скрыться. Желательно, где-нибудь в морях. Матери я тоже не мог открыться. Но, повторюсь, в конце концов ей тоже стало известно о завещании. Либо она догадалась. Потому-то меня и простила. Но все равно, мне давно уже хотелось иметь случай как-нибудь отличиться. Гвардейская служба в мирное время этих возможностей не предоставляла. Конечно, оставалась возможность записаться в гренадерский полк к брату – они стояли близ польской границы и входили в дивизию Суворова. В случае очередного мятежа в Варшаве и объявления войны основной удар придется на них. Но я все оттягивал свой перевод в Тульский пехотный, так как служить под началом Карла мне не очень-то хотелось. Вскоре мне выпал совершенно неожиданный шанс. Наверное, кто-то заметил, как я маюсь от непризнанности и тоски. Или, может быть, просто не хотел меня видеть слишком близко к Наследнику и Двору, что более вероятно...

Глава 2

Санкт-Петербург, декабрь 1793 года

После Рождества 1793-го Кристоф почувствовал – его жизнь постепенно и неуклонно меняется. Но в какую сторону – он понять не мог. Все чаще он вспоминал и о «часовне», и о записке, но запрещал себе долго предаваться подобным мыслям. Конечно, все это только совпадение – а его окружала реальная жизнь, включавшая в себя все то же самое, что и раньше: дежурства, разводы караулов, поездки в театр ко второму действию, пустопорожняя светская болтовня, ленивые взгляды женщин, скользившие по его хорошенькому лицу, воскресные визиты к матушке и сестрам. Чего желать более? Он знал, что, посмей заикнуться кому-то о том, что ему скучно и он не знает, куда податься дальше, получит предсказуемый ответ: «От добра добра не ищут». Или же: «Ничего, скоро ударим по полячишкам, тогда тебе будет весело».

Как всегда, разрешение проблемы пришло неожиданно. И очень быстро.

Ясным морозным утром 16 декабря, когда лютеране только закончили отмечать очередное Рождение Христа, его разбудил камердинер Якоб. Как всегда, тихонечко потрогал за плечо со своим: «Герр Кристхен, а герр Кристхен...» Собственно, этот Якоб был его другом детства еще тогда, когда «ничего этого», то есть, богатства и славы Ливенов, не было. С обретением богатства и славы матушка смилостивилась над латышом-сироткой и взяла его в услужение своим сыновьям, которые всегда относились к нему как к равному себе. Но нынче, когда хмель прошедшей веселой ночи весьма чувствительно давал о себе знать тошнотой и раскалывающейся головой, Кристофу захотелось проявить себя деспотом и надавать ему пощечин. Он сел в разворошенной постели, шурясь на пробивающийся сквозь щель между задернутыми шторами солнечный луч. Хорошо, сегодня никуда не надо было идти. Так, а что, собственно, вчера было? Фараон?... Ах, черт, если так, то сколько он проиграл?.. До квартиры дошел своими ногами или его Якоб увел? И не у кого спросить, кроме как у слуги. Почему так стыдно, кстати? Значит, точно сколько-то проиграл.

«Слушай», – проговорил Кристоф, глядя на лицо своего камердинера. – «Когда я вчера вернулся?»

«Да в четыре утра, барин...»

«А нынче сколько?»

«Уж полдень пробило»

«Mein Gott...»

Полдень. Если маменька вздумает допросить Якоба, то Кристофа ждет долгий выговор по поводу «беспорядочного образа жизни».

«Я вот к чему, герр Кристхен...», – осторожно начал Якоб.

«Принеси мне бумажник», – прервал он слугу. Тот только повиновался и покорно протянул ему исконное. Так. Деньги все на месте. Вроде бы. Если что и проиграно, то какая-то незначительная сумма, о которой даже и беспокоиться не стоит. И, если до полудня никто к нему не навевался с требованием долга, то все хорошо. Хотя... Что это там Якоб вертит в руках? «Черт. Неужели я дал расписку?»

«Что это?» – он вырвал конверт из рук слуги. Надорвал, уже ожидая прочесть послание от счастливец, выигравшего у него дикие тысячи. Бегло пробежал глазами косоватые строки. Нет. Сухим, казенным тоном его извещали, что ждут в управлении штаба полка. «Час от часу не легче», – подумал юный барон. Эдакая срочность... Может быть все, что угодно. Возможно, новое назначение. «В гарнизон», – почти был уверен он. «Куда же еще». Или, что более вероятно в полк к брату. Маменька подсуетилась. Три года назад, когда он отправлялся на свое «боевое крещение», она всеми правдами и неправдами настояла на том, чтобы ее три сына

были зачислены в один полк и чуть ли не в один батальон. «Держитесь всегда друг друга, – вы же братья», – торжественно говорила она перед их совместным отправлением в армию. Проблема была только в том, что его старший брат всячески пользовался тем, что теперь старший еще и по званию, а не только по возрасту, другой его брат совершенно не хотел возиться с «малышом Кристофом», а самого Кристофа очень тяготило находиться еще и в семейном подчинении. Да и со стороны выглядело это комичным – приятели никогда не забывали поддеть по поводу «нянек», что злило как его, так и братьев. Если все повторится так, как тогда... А оно повторится, в этом Кристоф нынче даже не сомневался. Уже видел, как после этой беседы придется ему ехать к Карлу, стаскивать его с очередной шлюхи или будить с похмелья, выслушивать его ругань, а потом собираться и ехать к западным границам, останавливаясь в дурных корчмах, далее – постой в каком-то гадком местечке, докучливое ожидание войны, карты, провинциальные балы, вешающиеся от скуки на шею офицерам помещицьи жены и жеманные барышни, далее их всех сорвут в поход, а там никакой «виктории» и даже «славного дела», а шатание с тяжеленным ранцем и ружьем по колена в грязи, затем бой на часа два, атака, глупая рана, или, что еще вероятнее и глупее, некая заразительная болезнь. Все как на ладони. К гадалке ходить не надо.

«Якоб, дай-ка мне, что ли, одеваться», – проговорил он, зевая. Переодевшись, критично осмотрел себя – не слишком ли видны на лице следы вчерашних излияний? Ничто вроде не выдавало – хмель оставил лишь досадную головную боль.

... Через двадцать минут он, к своему удивлению, стоял на вытяжку вовсе не перед командиром полка, а перед тремя мало знакомыми ему генералами. И выслушивал, вроде бы, очевидное – его переводят адъютантом к одному из них, Римскому-Корсакову. Значит, он опять остается в Петербурге на неопределенный срок. И только он, откланявшись с довольно рассеянным новым своим принципалом, пошел, как его окликнули. Причем по-немецки. Кристоф оглянулся. Перед ним стоял человек в штатском. Высокий полный блондин, который также был ему смутно знаком. И причем даже не лично – а по портретам. Лицо его, собственно, и носило какое-то «портретное» выражение – слишком гладкое, слишком безмятежное. Иностраный крест виднелся в петлице его темного сюртука. И крест этот удивительным образом напоминал другой, виденный Кристофом на странной картине в заброшенной часовне.

«Знаю, для такого честолюбивого молодого человека, как вы, подобное назначение кажется афрентом», – начал незнакомец с места в карьер. По-немецки он говорил очень хорошо, но видно, что этот язык не был для него родным. Выговор его напоминал остзейское наречие, но не то, которое барон слышал с детства и которым сам пользовался. Кристоф был настолько удивлен, что даже не нашелся, что ему на это отвечать, кроме как: «Простите, а с кем имею честь беседовать?..»

«Потом. Вы все узнаете потом», – проговорил его визави. – «И, конечно, не здесь. Заезжайте на Морскую, в пятый дом. Через два часа. Вас будут там ожидать».

«Но, собственно, чем я вам угоден?» – Кристоф решил этого так не оставить. Слишком много в его жизни появилось загадочного. «Так заманивают в тайные общества», – почему-то подумал он. – «Или заговор какой составили». Холодный пот вдруг прошиб его – судя по всему, кто-то еще знает о той тайне, которую ему поведал Наследник. И, с учетом этого знания, попытается его или уничтожить, или привлечь в свое дело. Явление этого загадочного господина говорило об этом более чем красноречиво.

«Скажу так», – его безымянный собеседник, между тем, сбавил тон. – «Если вы хотите новое назначение – не в гарнизон и не в Тульский пехотный – то мы можем вам его предоставить». «Но к чему такая таинственность, осмелюсь спросить?» – барон явно озадачился.

«Если вы столь любознательны, герр Кристоф-Рейнгольд, то через два часа все найдете ответы на все свои вопросы».

Кристоф-Рейнгольд. Он не ослышался. Краска невольно бросилась ему в лицо. Неизвестный осмотрел его немного снисходительно. Кристоф заметил, что тот как-то странно держит левую руку – прижатой к плечу, словно он прикрывал рукавом нечто хрупкое. «Я ошибся?» – проговорил он.

«Нет, просто...», – растерянно произнес Кристоф, но быстро нашелся: «А как мне можно вас называть?»

«Допустим, Брандтом», – произнес он, не меняя снисходительного выражения лица.

«Хорошо, герр Брандт. Можете меня ожидать», – произнес Кристоф... Откланявшись с ним, он сразу же пожалел, почему так легко согласился. И он просто-таки чувствовал, что настоящее имя незнакомца – вовсе не Брандт. Оно звучит гораздо громче.

CR (1817)

Конечно, кавалера ордена Серафимов, правую руку покойного шведского короля Густава Третьего звать скромным именем Брандт не могли. Штатское платье было ему непривычно, как и наши обычаи. Ибо 16 декабря 1793 года я повстречался с Густавом-Морицем Армфельдом аф Экскло, тайным кумиром моей юности. Ах, как я тогда хотел быть чуть-чуть на него похожим! Даже беды, коими наполнилась жизнь этого замечательного человека, возбуждали во мне зависть. Но далеко не все разделяли мое мнение. Когда с приятелями мы спорили, кто из ныне живущих людей мог бы назваться величайшим, я упомянул имя Армфельта, и Левенштерн (кто-то из братьев, то ли Германн, то ли Вальдемар, не помню), фыркнув, отвечал, что он, мол, простолюдин, сын солдата. На это я с некоторой язвительностью возразил, что кому как не Левенштерну рассуждать о чистоте крови и высокорожденности – они, как и все эстляндцы, из купцов. Мы чуть ли не схватились за шпаги, но младший брат Левенштерна разнял нас.

Армфельта я сперва не признал. И только потом, после краткого разговора, случившегося после моего назначения адъютантом к генерал-майору Корсакову, я понял – тот каким-то образом сам меня нашел. За те два часа, прошедшие между нашей встречей и свиданием в доме на Морской, чего я только себе не навоображал! Я верил, что меня отправят тайным курьером в Швецию, сделают его телохранителем или же закончу его дело и выведу наследного шведского принца в Петербург. Но ни в какую Швецию я не отправился. Мой путь лежал много дальше. И, собственно, с Густавом-Морицем был не связан. Но что касается другого Пути – то об этом пока умолчу.

Санкт-Петербург, декабрь 1793 года

...В означенное время Кристоф явился туда, где его ждали. В последний миг голос разума взял свое, и он все же припрятал на себе заряженный пистолет. Но припрятал, очевидно, не столь хорошо, потому что мнимый «герр Брандт», ожидавший его в темной, зашторенной гостиной, первым делом проговорил:

«Видю, вы похвально осторожны в отношениях с незнакомцами. Это доказывает, что мы не ошиблись в своем выборе».

Прежде чем задавать вопросы и, уж тем более признаваться, что догадался, кем является его хозяин, юный барон предпочел оглядеться. Гостиная, в которой его принял «герр Брандт», была крайне скудно обставлена. Несмотря на день-деньской, шторы темно-пурпурного цвета были плотно задернуты. Тьму развеивал одинокий трехсвечный канделябр. Кристоф подумал, что эдакая маскировка, наоборот, могла привлечь внимание тех, от кого Армфельт скрывается. Словно упредив его вопросы, Армфельт ответил:

«Да, я здесь только на три дня. Далее мне приказано отправляться с семейством в Калугу. И жить там, пока гнев в Стокгольме не сменится на милость...»

Он не сомневался, что Кристоф уже понял, кто таков «герр Брандт» и вопросов задавать не будет.

Барон лишь отвечал, немного смутившись:

«В Калугу? Но как же...»

«Присаживайтесь», – указал Армфельт на кресло, стоящее перед небольшим столиком. Сам позвонил и приказал принести вина.

«Надеюсь, вы не трезвенник», – с усмешкой проговорил он.

Кристоф только головой покачал, тонко улыбнувшись. Еще бы! Кто из гвардейцев трезвенник?.. Он не пьяница, и то хорошо.

«Если дела пойдут совсем плохо, я могу попросить, чтобы меня отвезли в Петропавловск-Камчатский», – продолжил Армфельт, беря с подноса свой бокал вина.

Кристоф тоже взял в руки бокал и сделал небольшой глоток. Вино оказалось весьма личным.

«Что ж, за встречу. И за ваши будущие свершения. Prost», – проговорил Армфельт.

«Prost», – откликнулся барон. Они соединили бокалы.

«Кстати, забыл спросить, вы, случаем, не голодны?»

«Вовсе нет, благодарю».

«А теперь пришел ваш черед задавать вопросы», – Армфельт откинулся на спинку кресла. Барон опять заметил – после того, как его собеседник осушил бокал, он немного поморщился, словно от боли, и закрыл левую половину груди ладонью. «Ему там больно», – догадался Кристоф. Потом прикрыл глаза. Он никому еще не говорил, – иногда он мог чувствовать, где у кого что болит, даже тогда, когда человек свою боль ни в чем не выдавал. Перед своим внутренним взором даже мог видеть источник боли – нечто похожее на тлеющие в костре угли. После этого ему почему-то хотелось дотронуться до больной части человека и впитать жар, от нее исходивший, себе под кожу. Никому в своих фантазиях по этой части Кристоф никогда не признавался. Тем более, что на самом себе это не работало – он пытался, становилось только хуже.

Сейчас он четко ощутил, как его собеседнику выпускают три пули под ключицу. И четвертая дробит плечевую кость. Тот истекает кровью, но команды над дивизией не оставляет... Было это явно в прошлую войну, в которой сам Кристоф сражался на другой стороне.

«Мне тогда не дали толком вылечиться», – в тон ему сказал Армфельт. – «Если я от чего-нибудь помру, так вот от этого. Причем, когда ранили, не было больно. Ад пришел потом. Собственно, вы это знаете...»

«Меня еще ни разу не ранило», – проговорил Кристоф.

«Так узнаете в будущем. А у вас, я вижу, есть талант и интерес к медицине?»

«Не знаю», – пожал плечами барон, заметно смутившись. – «Даже если это и так, то мне лучше о медицине не думать. У меня не то происхождение. В нашем роду – только офицеры и помещики».

«Медициной не обязательно зарабатывать себе на хлеб», – возразил Армфельт. – «Впрочем, мы отклоняемся от дела. Ежели вы думаете, что я хочу вовлечь вас в свои личные дела, то ошибаетесь. С соотечественниками я расквитаюсь лично».

Лицо его несколько помрачнело. Кристоф увидел, как под маской невозмутимости начал проступать живой человек с весьма бурной судьбой. И барон понял, что все-таки не очень хочет оказаться на его месте.

«Собственно, а чем я могу вам быть полезен?» – проговорил он вслух.

«Итак», – начал Армфельт, вновь приняв деловой вид. – «Очевидно, вы знаете, какие дела творятся последнее время во Франции?»

«Конечно, как не знать?»

«И понимаете, что вся Европа пытается остановить этих безумцев?»

Кристоф кивнул.

«Вся, кроме России», – добавил он, немедленно подумав, что сболтнул лишнего и даже крамольного.

На круглом лице Армфельта заиграла ироничная улыбка.

«Вы здесь не совсем правы. Ваша государыня слишком умна, чтобы объявлять войну Франции. Да и с учетом нынешнего положения в Польше, она не может себе этого позволить. Но это не значит, что Россия полностью останется в стороне от сражения с якобинцами. И вы, барон, в этом сражении примете самое непосредственное участие».

«Когда будет отправлен экспедиционный корпус? Его командиром назначат генерала Корсакова?», – сердце Ливена часто забилося. Он быстро сопоставил факты минувшего дня. Одно он не учел – почему о таких назначениях говорит именно Армфельт, к российской армии не причастный – и более того, даже сражавшийся недавно в рядах ее врага?

«Постойте. Про экспедиционный корпус никто не говорил. Но вы и генерал Корсаков действительно отправитесь в Нижние Земли. В армию принца Кобурга. Причем вам придется перевестись на австрийскую службу. Надеюсь, вы понимаете, зачем».

«Никто не должен знать, что Россия не сохраняет нейтралитет?» – поручение несколько смутило Кристофа. – «А что мне предстоит делать?»

«Наблюдать», – отвечал Армфельт, наливая остатки вина по бокалам. – «И, конечно, сражаться. Или вы, как некоторые из здешних безумцев, считаете якобинцев святыми, а их действия – оправданными?».

«Они исчадия ада», – проговорил Кристоф горячо. – «Если кого ненавижу, так только их. Как можно убивать законного короля...»

«И королем они не ограничились. Вы знаете, сколько крови они уже пролили в своей стране? И я говорю не только о голубой крови. И они поглядывают на соседние страны. Пока якобинцы еще слабы в военном отношении, мы обязаны их задушить в зародыше. Иначе непременно появятся среди них более-менее талантливые, и их чума распространится по всей Европе. Они уже готовы захватить Нижние Земли. Положение там все трудное, но, надеемся, с Божьей помощью их остановим», – Армфельт перекрестился, и Ливен последовал его примеру.

«Еще один вопрос. Получается, я становлюсь австрийским офицером, не так ли?», – уточнил Кристоф.

«Только на время».

«Я потом не смогу вернуться в Россию?»

«Почему не сможете? Вы же никому не изменили. Австрия – ваш союзник. Более того, те, кто ведает назначениями, знают, зачем вы идете волонтером в иностранную армию».

«Каким образом мне делиться наблюдениями? Подавать рапорты?»

«Это не ко мне вопросы. Вас проинструктирует Корсаков. Собственно, донесения – его обязанность. А вы будете его глазами и ушами».

Кристоф все понял, но оставался один вопрос, который он не знал, стоит ли задавать. Честно говоря, он сомневался в том, стоит ли гибнуть где-то на чужбине, тем более, за Австрию, которую многие презирали, и при этом никто не узнает, зачем он на самом деле там находился. Подумают, что он просто решил пойти туда, где ему заплатили или дали надежду на быструю карьеру. Он попытался сдержаться, но Армфельт сразу понял, что Ливен не все договорил, и поспешил заверить его:

«С вами обязательно рассчитаются. Причем очень хорошо. Не скрою, если вы вернетесь из Фландрии живым и здоровым – считайте, ваша карьера уже сделана».

Кристоф недоверчиво взглянул на Густава-Морица:

«Карьера уже сделана? Как это можно понимать?»

«Все просто. Вас ждет генеральское звание. Большие милости. Высокие награды. Станете настоящим сановником. Вашего благоволения будут искать...».

«Но мне же придется объяснять, откуда что взялось», – Ливен до сих пор не верил своему собеседнику. Слишком нереальными представлялись его обещания. – «Вы же говорили, что операция будет секретная... И что Россия официально с Францией не воюет и воевать не собирается».

Армфельт снова улыбнулся. Но его светло-голубые глаза оставались холодными.

«Нам очень повезло, что было предложено ваше имя», – продолжал он. – «Вы исполните все, что от вас требуется, и у вас не будет повода разглашать, откуда эти милости».

«Что вы хотите этим сказать?»

«Ваша матушка – дама, влиятельная при Дворе и одаренная всеми добродетелями», – проговорил Армфельт.

Лицо его приняло мечтательное выражение. Глядя на своего визави, красивого белокурого мальчика с тонким лицом сусального ангела, синими, опущенными золотистыми ресницами глазами, Густав-Мориц подумал: «Он же запросто может быть моим сыном. Как раз двадцать лет назад в Ревеле я развлекался с одной Лоттой, женой этого... Забыл фамилию. Эх, ерунда. А его маман когда-то красоткой была, и я уж точно ее бы в свое время не пропустил».

«Таким образом, подумают, что я стал столь влиятельным благодаря моей родительнице?» – Кристоф помрачнел. – «И так уже говорят, что мы ничего не заслужили...».

«Пусть говорят. Мы с вами, и, конечно же, Государыня, прекрасно будем знать, за что вам выпали милости. Все получите по заслугам. Но у вас будет условие – молчать. Даже в разговорах с близкими. Конечно, в послужной список эта история будет внесена – но только факт вашего волонтерства и участие в сражениях, а не суть поручений. О них будете помнить только вы – и мы».

«А если я погибну – меня же кем-то заменят?» – спросил Кристоф.

«Возможно. Но вы не погибнете», – отвечал Армфельт.

«Меня не надо спасать», – вспыхнул Кристоф.

«Гибнут в таких делах или дураки, или трусы», – сказал его собеседник. – «Вас мне не рекомендовали мне ни тем, ни другим. И обратного вы пока не доказали».

«Каким доверием вы меня облечаете», – усмехнулся Кристоф. Вино чуть-чуть развязало ему язык, заставило чувствовать себя более непринужденно. – «В любом случае, я постараюсь его оправдать. На какой же срок меня отправят? Пока австрийцы не войдут в Париж?».

«Никто этого не может знать. В любом случае, прощайтесь с родней и друзьями на год-два, не меньше».

«Это большой срок», – до этого Кристоф полагал, что его поручение продлится очень недолго.

«Одно могу сказать – скучать вам в течение этого времени будет некогда».

«Я в этом уверен», – проговорил Ливен, отставив бокал. – «И можно еще вопрос?»

«Конечно».

«Почему вы назвали меня Кристоф-Рейнгольд?»

«В таких семьях, как ваши, сыновей принято называть в честь дедов», – Армфельт посмотрел куда-то в сторону, словно избегая его взгляда. – «А ваш дед был куда более примечательной личностью, чем вы полагаете».

«Каждый может сюда войти, не каждый сможет отсюда выйти», – всплыло у Кристофа в памяти. Теперь он понял – то было пророчество. Ему захотелось рассказать Армфельту о своих мыслях по поводу тогдашнего происшествия, о странной записке, но что-то его останавливало. Не то чтобы он не доверял своему собеседнику – напротив, впервые в жизни он чувствовал себя столь запросто с человеком заметно старше себя как по возрасту, так и по чину. Просто подумал, что еще не время для этого.

Он только ответил:

«Да. Я тоже так думаю. К сожалению, спросить больше не у кого», – он вздохнул.

«Но вы все в свое время узнаете», – улыбнулся Армфельт.

...Когда Кристоф вышел из этого дома, уже давно стемнело. Ночь была ясная, звезды высыпали над Петербургом. По пути к себе он долго глядел на невиданное в этом городе зрелище – на небосклон, чистый от низких тяжелых облаков и волокнистого тумана. Ливен даже пытался вспомнить названия созвездий, и некоторые из них даже признал. Только одно, вольным зигзагом раскинувшееся прямо над его головой, не сразу вспомнил. Вроде, какая-то Медведица, или Орион... Как бы оно не называлось, Кристоф решил, что его звезда располагается где-то среди этого зигзага. И она приведет его или к смерти, или к славе – кто знает?..

CR (1817)

Мое первое серьезное испытание войной началось ранней весной 1793-го. Я попрощался со всеми, с кем должен был. В основном, никому не было до конца понятно, – даже, наверное, моему принципалу Римскому-Корсакову, – зачем нам дали это поручение и что хотим им добиться. Конечно, я был не единственным младшим офицером, который отправлялся к австрийцам волонтерами; у того же Корсакова было еще четыре человека адъютантов. Кто-то из них состоял у него уже давно и был с генералом на куда более короткой ноге. Что касается меня, то мои полномочия оказывались довольно широки, и я должен действовать более-менее независимо от него.

Скажу здесь пару слов про Михаила Римского-Корсакова – он не относился к плеяде тех великих военачальников, которую нам подарила минувшая эпоха правления великой государыни. Он был не лишен способностей, но наделенным особым полководческим талантом я бы его не назвал (позже это сполна проявится во время трудного и славного Швейцарского похода, состоявшегося через 5—6 лет после описываемых мною событий). Да и случаев отличиться генералу предоставлялось не столь уж много. Своим назначением он был не слишком доволен, и относился к этому как к некоей «почетной ссылке» и результатам происков интриганов – ведь Корсаков ожидал, что ему дадут две дивизии в Литве, а отправили «к этим немцам попросхайничать», как он однажды сторяча выразился.

...Когда фрегат «Св. Троица» медленно выходил из Кронштадтского порта, и бастионы скрывались в далекой дымке, я менее всего думал, что вернусь сюда совсем другим. Никто не лил по мне слез, воспринимая мою поездку как увеселительную, вроде эдакого Grand Tour, который обыкновенно предпринимают британские юноши перед вступлением в жизнь. Да и я, признаться честно, тоже не мог осознать все сложности и опасности, с которыми мне предстоит столкнуться. Мой юный возраст – а было мне всего 19 лет – помогал в том; я представлял себе разнообразные приключения, из которых выхожу героем и молодцом; громкие сражения, в которых я обретаю славу и совершаю дерзкие подвиги; триумфальный разгром якобинского сброда и вход в освобожденный Париж. Я впервые выезжал за пределы России далее, чем за 50 верст от границы, да еще к тому же первый раз путешествовал по морю. Погода была беспокойная, как всегда в это время года. Как, к счастью, оказалось, я не склонен к морской болезни, и, пока все пассажиры – сплошь люди сухопутные – лежали вповалку, пытался вникнуть, что бы меня ожидало, ежели бы я осуществил-таки свое давешнее желание записаться в Гвардейский экипаж.

Через семь дней мы встали на якорь в порту нашего назначения – в Гамбурге, который при первом приближении показался уж слишком похожим на Ревель. Там нам предстояло пробыть три недели, пока велась переписка с принцем Кобургом. Так как австрийская армия беспрестанно находилась в движении, обмен письмами занял гораздо больше времени, чем мы рассчитывали. Множество дней было потрачено на переписку между сторонами. Корсаков, наконец-то вспомнив, зачем я, собственно, при нем состою, дал мне поручение составить шифр, «но такой, чтобы я тоже мог понять». Недаром отец и старший брат вколачивали в меня математику – за два вечера придумал целую систему, в которой каждое слово означает опре-

деленную сумму цифр. Генерал отверг мою систему, как «чересчур мудреную», и мы уговорились на старый добрый зеркальный шрифт. «Ну и на русском пиши – немцы эти все равно по-нашему не понимают», – добавил он. Систему я оставил для себя, пользуюсь ею и поныне, и все, кто близко связан со мной по делам служебным или личным, прекрасно ею владеют. Она, как впоследствии оказалось, оправдала себя.

Что касается досуга, то я оказался похвально благоразумным и, в отличие от сослуживцев, не пытался кутить, хотя Гамбург в то время был городом, славным игорными домами, борделями и питейными заведениями. Не то, чтобы соблазны проходили мимо меня – я отдал должное всему понемногу, и даже сэкономил на продажных девицах, так как в меня влюбилась пригожая и весьма легкомысленная дочь трактирщика.

Три недели миновали быстро. Ответ от Кобурга был получен. Вместе с ними – рескрипты о зачислении нас в 6-ю австрийскую дивизию. Мне дали под команду взвод в одном из егерских полков. Генерал через три дня должен был уехать в штаб Кобурга.

...Нижние Земли не представляют для праздного путешественника ничего интересного, а если уж они разорены войной, – тем паче. Большинство из них лежало когда-то под водой, и местные жители благодаря своему упорству и желанию выжить отвели от своих городов и селений море с помощью сложной системы шлюзов и каналов. Эта система оказалась весьма удобной во время боевых действий, которые за всю историю Нидерландского королевства велись постоянно. Франция, Англия, Испания, Австрия – кто только не претендовал на эти низины! Чтобы отрезать врагов, пришедших с суши, голландцы и фламандцы прибегали к простому способу – открывали шлюзы и устраивали потоп, чтобы изолировать себя от врага. Так они и поступили за три месяца до моего прибытия, когда верные австрийской короне брабантцы сломали плотину и затопили все на 20 верст вокруг. Но Провидение было не на их стороне – зима выдалась суровой и долгой, образовавшееся после уничтожения плотины озеро покрылось прочным льдом. Французы были готовы взять Бреду – одну из лучших крепостей Нижних Земель, которая неоднократно выдерживала осады соперника.

Мы останавливались в притихших и полупустых городках. Их жители были растеряны и не знали, что дальше. Собственный их правитель уповал на помощь союзников. Говорили, что зреет революция и в рядах голландцев, они желают объявить республику по образцу французской, а принц Оранский убежит в Лондон, где уже укрылись оставшиеся в живых Бурбоны. Также жаловались на долгую зиму и холодную весну, которые предвещают неурожайный год – это значит, больше черни пойдет за якобинцами, ежели они восторжествуют; австрийцев здесь не особо любили, но мирились как с неизбежным злом, но французов боялись еще больше, особенно после того, как до них дошли слухи о «свободных» порядках республики. Такие разговоры мы слышали, и они, честно говоря, не обнадеживали. Также не обнадеживало и состояние, в котором мы нашли австрийскую армию. Здесь надеялись на победу, а талант принца Кобурга был хорошо известен. Но оснований, честно говоря, было мало. Снабжение так себе, подкрепления приходят редко, и, как всегда, союзники не готовы помочь. Более глубокие выводы мне делать не пришлось, а что такое воевать с австрийцами, я испытал на собственной шкуре. По иронии судьбы, мне предстояло повторить этот опыт через десяток лет, но уже в совершенно ином чине и совершенно иных обстоятельствах.

Май 1794-го, Западная Фландрия

...Следующий день обещал быть теплым, хотя ночью все еще ощущалась зябкость, и вечерняя роса густо покрыла сочную весеннюю траву. Вчера весь день шли маршем; сон был короток, как обморок, и лишен всяческих видений. Вечер офицеры скоротали за картами – играли в вист, больше на интерес, чем на деньги, пытаясь чем-то занять беспокойный мозг. Тасовали замызганные карты, курили, перебрасывались шутками и нарочито громко смеялись. Никто из них четверых не хотел показать, что события завтрашнего дня их как-то волнуют:

даже подпоручик фон Рильке, самый юный из них, держался так, словно завтра будет не первое в его жизни сражение, а псовая охота у него в поместье. «Все», – проговорил капитан фон Лангенау, отбрасывая в сторону сложенные веером карты. – «Я валюсь с ног, Herren. До завтра». В доказательство своих слов он от души зевнул и пошел к себе в палатку. «Ливен вон тоже носом клюет», – со смешком проговорил Мёзель, старший обст-лейтенант. – «Сейчас в костер свалится». «Verdomme», – сонно пробормотал объект его насмешек. Кристофу и впрямь хотелось спать после двухдневного марша, причем уже давно, перед закатом. Эта сонливость уничтожила все смутные тревоги по поводу завтрашнего дня. Из-за нее, правда, он проиграл шесть партий подряд и испытывал досаду на самого себя. «А между тем, они самые разумные люди. Нам спать остается четыре часа, господа», – проговорил еще поручик Эккерманн. Все с ним согласилось. Погасили костер, пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись до рассвета.

Кристоф первым делом проверил, как денщик приготовил ружье. «Это лучшее из возможного», – усмехнулся он. В оружии он разбирался неплохо и знал, что австрийцев снабжают англичане. Это имело смысл. С самим генералом Ливен виделся вчера, когда его послали зачем-то в Штаб. Тот по-русски передал ему: «Бардак здесь творится, Христофор. Одно дело, принц – разумный человек, что-нибудь да придумает. Но чую, продуют». «Что-то он паникует раньше времени», – подумал Кристоф. И еще хотел добавить: «Разве ж этой шайке можно проиграть?» «Санкюлоты нынешние – калачи тертые», – продолжал Корсаков, нисколько не обращая внимание, младших офицеров, косившихся «на этих русских», разговаривавших на малопонятном своем языке. – «Ты не смотри, что у них там в Париже творится. Воевать они научились. Да еще сколько толковых генералов королю изменило». Узнав, что барон будет в следующем сражении, генерал размахисто перекрестил его и отправил «с Богом». Засим следовало два дня марша по плоским полям, под низким небом.

Кристоф вышел покурить перед сном. Курить его научили братья на самой первой его войне, тогда показалось мерзко, – никакого удовольствия, да к тому же, дым сильно обжигал горло. Сейчас он не мог жить без табака, и всеми правдами и неправдами стремился его достать. Впрочем, не он один – так поступали все. Некурящих не было даже среди откровенных юнцов.

...Они стояли в шести верстах от городка Турне. Вдали виднелась каменная крепость. Из-за ее крепких стен торчали три островерхие колокольни. Огни по всему городку были погашены. На западе, в трех верстах, белели дома деревушки Туркуэн, волновалось под легким ночным ветром пшеничное поле, на котором назавтра должно было состояться сражение. Можно было услышать, как скрипели под ветром жернова трех мельниц.

Идиллическая картина... Ее стоило запомнить, пока завтрашний день не уничтожил все подряд. И всех, с кем Кристоф коротал сегодняшний вечер.

Вернувшись к себе, Кристоф вспомнил какую-то молитву, наскоро прочитал ее, как обычно, и, даже не раздеваясь, сел на пол, прижавшись к палаточному холсту, и закрыл глаза, чтобы через четыре часа услышать сигнал побудки, расправить затекшее тело, и, вскочив, забрать винтовку и патронаш. В голове было пусто и легко, марево сна до сих пор застилало глаза, крики команды, дальний рокот пушек, назойливая флейта доносились до его слуха, как через пелену тумана.

«Какой день нынче?» – спросил он отчего-то у Рильке.

«Шестнадцатое, пятница».

Кристоф мысленно отнял в уме 10 дней, чтобы перейти в более привычную ему систему летоисчисления. В России должно быть шестое мая. День его рождения.

«Мне нынче двадцать», – сказал он без всякого выражения.

«Поздравляю вас», – это уже Лангенау, шедший впереди. – «Надеюсь, вечером нас тоже можно будет поздравить».

«Я тоже на это надеюсь», – и тут они ускорили шаг. Позиция их дивизии находилась на юго-востоке. Их роту поставили между двумя мельницами. В случае чего, их предполагалось поджечь, чтобы совершить обходной маневр и ударить наступающим в мало защищенный левый фланг. Но следовало успеть, пока вражеская артиллерия не размолотила построения в пух и прах. А успеют ли они, зависело от действия трех средних колонн.

Пришлось стоять в неопределенности около часа. Их черед еще не пришел. Впереди ничего не было видно, сплошной дым. Наконец – пение трубы, команда «Marsch», повторенная многократно, от старших к младшим, из уст в уста – и вперед, под пронзительный звук флейты, перемежаемый свистом пуль и громом пушек. *Laden. Auf. Zielen. Feuer.* На шестом залпе Кристоф уже перестал чувствовать, что он делает. И вообще что-то чувствовать. Страх не было. Желания убежать – тоже. Только ощущение некоей неизбежности. Он выкрикивал команды и шел, методично размахивая саблей. Враги были впереди, но для него они были синими пятнами на общем бледном мареве дыма. Алые кокарды на их шляпах служили отличным ориентиром. Приметив это, он впервые усмехнулся. «Идиоты» – проговорил он. И снова цепочка тех же команд: *Laden, Auf, Zielen, Feuer.* И снова – шаг вперед, раздвигая сапогами смятые зеленые колосья, мимо тех, кто упал, по изборожденной снарядами почве.

...Кристоф не запомнил, когда именно все пошло не так, как должно. Синих пятен впереди стало как-то больше. Ряд дрогнул. Их теснили, выдавливая назад. Кто-то, кажется, Эккерман, сказал ему: «Справа...» – и в тот же миг покачнулся, зацепившись рукой за плечо барона. Что-то липкое – кровь, не его, чужая – окрасила белый мундир. Кристоф инстинктивно отпрянул и глянул направо. Оттуда шло свежее подкрепление якобинцев, и передние, те, кто должен был вести их, уже полегли под их пулями. «Назад», – послышалось откуда-то со стороны, и снова многоголосное эхо покрыло рев артиллерии. Впереди кто-то дрогнул. Сам не зная, что он делает, барон попятился вместе с остальными. Но синева мундиров была ближе... Злость взяла его. «Проклятые сволочи!» – заорал он по-французски, потом, оглянувшись, – «За мной, в штыки!» Те, кто остался, сомкнулись и рванули вперед. «Держат строй», – сквозь зубы сказал себе Кристоф, прежде чем его сабля воткнулась в первого из неприятельских солдат, от неожиданности упавшего навзничь. «Еще». Увернувшись от другого, мстящего за своего товарища, он вонзил саблю в спину, переламывая тому хребет. Потом барон уже не осознавал, что делает. Вокруг лилась кровь, алая кровь на белом и на синем, в ушах раздавались крики тех, кто падал на свежую землю. Их снова теснили, издали колонны синих шли на них, и они отходили назад, теряя людей вокруг себя.

Когда черно-бело-алая пелена перед глазами обрела четкость, Кристоф фон Ливен обнаружил себя облокотившимся о холодную стену какой-то постройки. Бой еще не прекратился – пушки до сих пор молотили. Спереди на него нажимали еще пять человек. Свои. Навстречу шла неприятельская пехота. Те, передние, отстреливались. «В штыки...», – прохрипел он. – «Не отходить». «Как не отходить» – услышал он смутно знакомый голос. «Рильке, вы трус», – проговорил Кристоф. «Фон Ливен, вы сумасшедший», – парировал ему подпоручик. «Надо отступить». «Нас окружили, куда дальше отступать?» – Кристоф изо всех сил старался говорить громче, но не мог. «Внутри». «Командуйте», – проговорил барон. У него болело где-то справа, ближе к животу, и он провел ладонью по больному месту. Взглянул на руку – крови не было, значит, не ранен. Рильке позвал остаток батальона за собой, и они вскоре оказались в дверном проеме. «Расстреляем все, что у нас есть», – проговорил он. «И сдадимся», – мрачно подумал Кристоф. Ему делалось все больнее, он еле на ногах держался. Семь стрелков расставили у входа, остальных поместили ближе к жернову. Барон огляделся. В случае чего можно вырвать из стен кирпичи, обороняться ими. Только вот смысл?... До штурма оставались секунды. Уже дрожат стены, уже отчаянно отстреливаются солдаты впереди. Вот несколько упало, загородив дверью вход. Слышны крики врагов. И их не счесть... Шатаются стены. «Они же возьмут нас в плен», – наконец-то осенило Кристофа. Все последствия пленения

якобинцами внезапно встали перед его глазами. В отчаянии он оглянулся. «Сюда», – Рильке указал на шаткую лестницу вверх. Они вбежали наверх. За ними последовало еще трое их солдат. Под весом четвертого вся конструкция рухнула. «Пригнитесь», – приказал Кристоф. Тут, на площадке, они станут легкой добычей. Если только не прыгнут... Но там-то, внизу, их совсем добьют. Враги уже перебирались наверх. Один из солдат стрелял в открытый проем – сумел два залпа сделать, пока сам не упал, сраженный пулей. И тут же плотный огонь артиллерии потряс всю постройку до основания. «Святая Мария Матерь Бо...», – начал Рильке, но его последние слова оборвались. Третьего, прапорщика, чем-то задело, тот упал, и Кристоф, недолго думая, схватил его ружье. «Прыгаем», – указал он. «Нет!» – в ужасе отпрянул его товарищ. «Все равно помирать», – Кристоф схватился за ружье двумя руками и, закрыв глаза, полетел вниз... В последний миг он понял, что Рильке цепляется за него. И тот, последний, четвертый, тоже предпочел погибнуть, нежели сдаваться в плен.

...Опомнился он внизу. Поверхность оказалась очень мягкой, и он с ужасом понял, что лежит на телах – синие, белые мундиры вперемешку, чужая кровь липнет к его телу. Он попытался встать, но в последний миг чей-то голос сказал: «Лежи. Притворись мертвым. Так спасешься». И он закрыл глаза. Наверное, пришла и впрямь пора помирать. Вокруг стояла тьма, как на дне колодца. А потом он словно увидел себя со стороны – бледного, в изорванном мундире, с бесполезным ружьем в руках, и лицо его такое, словно только что он заснул. Рядом лежит некий белокурый юноша в синем мундире, у него полголовы нет, кровь вперемешку с мозгом слиплась с волосами. И еще рядом Рильке с зажмуренными глазами. Кристоф знает, что бой еще продолжается, но звуков никаких не слышит. Ему вообще ничего больше не интересно. Он смотрит на небо, видит темные облака, багровое зарево впереди... Туда, надо отправляться туда, где гаснет такой красивый закат. Отчего-то хочется плакать. «Мне нынче двадцать лет», – говорит Кристоф себе. – «Ровно двадцать». Тут какой-то черный дым застилает ему глаза. Едкий дым, от него глаза щиплет и в горле дерет. Он мучительно закашлялся и вновь почувствовал себя живым. Мельница горела. Жернова, как огненный крест, светились прямо над его головой. Пора уходить. «Кристоф», – кто-то окликнул его, и он понял, что Рильке выжил. – «Они всё». «Эрих», – в тон ему откликнулся барон, давя стоявшую в горле гарь и жмурясь от обострившейся боли справа. – «Вы живы? Можете идти?» Стрельба и впрямь прекратилась. Закат уже погас, темные облака сгустились над ними – наступала ночь. Он с трудом встал. Рильке только стонал: «Моя голова... Боже мой». Кристоф помог ему, протянув руку. Товарищ его стоял неуверенно, постоянно заваливаясь на бок. «У вас все цело?» Тот только поморщился. «Н-не знаю...» «Дойдете?» «Постараюсь...» Они побрели к своим позициям. Рильке то и дело жаловался на тошноту, приходилось останавливаться. «Вас контузило», – проговорил Ливен. – «Если не хуже. Надо лекарства найти...»

Добрались до бивуаков. На них смотрели, как на выходцев с того света.

«Откуда вы, друзья?» – спросил один из знакомых им офицеров. Кристоф неопределенно махнул рукой в сторону мельницы. – «Нам бы до госпиталя добраться».

Рильке к этому времени совсем лишился сил, обмяк и побледнел, и барону приходилось его тащить на себе.

«Не надо», – прошептал подпоручик на полпути. – «Оставьте. Не дойду».

«Чуть-чуть же осталось», – возразил Кристоф.

«Я умираю, герр фон Ливен», – проговорил его товарищ.

«Не говорите так. Вы не ранены», – барон собрал всю уверенность в кулак. – «Это пройдет. Вам нужен покой, холодный компресс на голову...» У Кристофа в голове уже бродили мысли, как помочь своему товарищу. Госпиталь наверняка переполнен, хирурги занимаются ампутациями и перевязками. Пока до него, не имеющего видимых повреждений, требующих срочных мер, дойдет дело... «Вот что», – проговорил он. – «Вернемся к нашим. Я пойду и позову лекаря. Тащить вас я туда и сам не могу, извините».

Их встретили на бивуаке полка с большим удивлением. «Мы вас поминаем, господа», – сказал Лангенау. У него рука висела на перевязи, но, по всей видимости, травма не причиняла ему особых страданий. «Рано радуетесь», – усмехнулся Кристоф. «Что с Эрихом?» «Ничего. Ничего», – повторил слабым голосом Рильке. – «Спать хочется...» Его осторожно усадили у костра. Протянули чашу. «Не надо, его сразу же вырвет», – покачал головой Кристоф. Потом тихо добавил: «Пошлите кого-нибудь хоть за фельдшером. Ему что-то совсем плохо. Не пойму только, где он ранен». «Эккерманна нашего нет уже», продолжал его сосед Мёзель, один из тех немногих, кого даже не задело. «Нет. Я видел, как он погиб», – вздохнул Ливен. Ему самому хотелось прилечь и забыться во сне. «Нам надо пить за ваше здравие. Надо же. В свой день рождения заново родились. Здесь почти были уверены, что вы или в плен попали, или убиты», – сказал Лангенау. – «Думали, как сообщать вашему генералу». «Вот именно. В свой день рождения я умер», – подумал Кристоф. – «И до сих пор не пойму, то ли ожил, то ли все-таки нет».

Фельдшер сказал, что ничего серьезного с Рильке не случилось, и предложил делать холодные компрессы. Он был слишком занят и явно недоволен, что господа офицеры выдернули его из госпиталя, где каждая пара рук на счету. Кристоф остался с ним. Он сам уже не ощущал особой боли или усталости. Побаливало справа, в нижней половине груди, чуть вывернута нога – не более. Эрих Рильке не мог заснуть, несмотря на усталость. Он шептал: «Моя голова...» Кристоф положил ему на голову намоченную в воде тряпицу, поддерживал его, когда у того начинались позывы к рвоте. Подпоручик сильно побледнел, холодный пот лился у него ручьем. «Закройте глаза», – умолял Кристоф, уже сам на ногах еле державшийся от усталости. – «Подумайте... не знаю, о хорошем». «Я уже не забуду, как мы с вами...», – Эрих уже несколько заговаривался. – «Извините. Я не хотел, не хотел, а вы говорили дело». «Нас бы убили тогда», – проговорил Кристоф. – «А вообще, простите, что назвал вас трусом». «Простите, что назвал вас сумасшедшим», – в тон ему проговорил Эрих, взяв его за запястья холодной влажной ладонью. Потом, открыв глаза, проговорил: «Кристоф, знаете... Я не переживу эту ночь. У меня на руке кольцо. Снимите его, когда я... Пошлите ей в Грац. Ее зовут Луиза». «Не говорите глупостей!» – разозлился Ливен. – «Вы не умрете! От *такого* никто не умирает, у вас ничего не повреждено. Полежите два дня, пойдете дальше маршем с нами всеми». «Вы же знаете, что это не так», – неожиданно прошептал контуженный юноша.

И впрямь. Кристоф сам не мог объяснить, почему он ощущал какую-то обреченность, глядя на Рильке. Чувство вины пронзило его сердце. Это же он, фон Ливен, предложил прыгнуть. Все же там было высоко... Поэтому он наклонился и спросил, больше чтобы отвлечь Эриха: «Луиза? Она ваша невеста? Любимая?» «Сестра старшая», – прошептал непослушными уже губами Рильке. – «Мы сироты. Она меня вырастила. Не хотела, чтобы я уходил...» «Тихо. Я вышлю ей кольцо. А теперь засните, пожалуйста. Подумайте о ней. О Луизе. Она красивая?» Эрих вынул из-под полы рубашки медальон. Кристоф открыл его. Размытый портрет в профиль, синие глаза, рыжеватые локоны. По миниатюрам никогда не разберешь, что из себя представляет реальная женщина. При этом прядь волос, вставленная под серебряную крышку, была гораздо светлее, чем волосы изображенной на портрете девушки. «Вижу, красивая», – проговорил он больше, чтобы утешить больного. Тот, казалось, затих. Кристоф сам свалился рядом, не успев даже вернуть Эриху медальон.

Наутро, когда он открыл глаза, барон заметил, что его товарищ уже не дышал. Лицо его было очень спокойным, легкая улыбка играла на губах. Такое, какое Кристоф увидел у самого себя – и у других, кто лежал вповалку рядом с ним. Он снял с указательного пальца покойного друга кольцо – серебряное, блестящее, с надписью, выполненной готическим шрифтом: «Моя честь зовется верность». «Город Грац», – проговорил он. – «Луиза. Она замужем уже? Как ее искать?» «Не замужем», – проговорил подошедший к нему Лангенау. – «Я передам кольцо. У меня кузен из Граца».

Кристоф даже не мог плакать. Тем более, дальше они отступали к Турне – и далее на юго-восток, к Шарлеруа – крепости, которую осаждали якобинцы. Через два дня была еще одна стычка с неприятелем, на этот раз не такая кровавая. И далее их ждало еще одно большое сражение...

CR (1817)

В двадцать лет я впервые умер – и впервые кто-то умер у меня на руках. Наверное, это и можно считать посвящением.

Эрих Рильке мне снился даже тогда, когда я забыл и имя его, и подробности нашего с ним приятельства. У меня постоянно возникало какое-то ощущение, что я в последние часы его жизни оказался кругом виноватым перед ним. Обвинил в трусости. Заставил спрыгнуть с площадки, а там было не меньше десяти футов, – но иначе бы нас или подожгли вместе с мельницей, или расстреляли. Наконец, не передал его сестре медальон лично, отдал Лангенау, а того через месяц убили. Вот потому и снится, когда я даже забыл этого моего приятеля.

Оказалось, что и для меня падение не прошло даром, – в Турне меня осмотрел штабной лекарь по приказанию Корсакова и обнаружил трещину в ребре, которая и вызывала сильную боль в груди. Вплоть до июня я пробыл при Корсакове, так как идти маршем со всеми не мог.

Австрийцы и англичане отступали. Тактика якобинцев оказалась оправданной. В деле войны Кобург и его соратники руководствовались правилами военного искусства, уже тогда, в 1794-м, безнадежно устаревшими – передвигаться колоннами, давить соперников массой, а потом ровными рядами идти назад, как стадо покорных овец. Австрийцы очень любят свою линейную тактику, и на неискушенный взгляд моих соотечественников их приверженность к этому методу ведения войны кажется трусостью. Чуть что – отходить назад. Не окружать врага, не преследовать его. Похоже на фехтовальный поединок. Русские же дерутся до последнего, а, загнанные в угол, способны на настоящие подвиги. Не от того ль, что я тоже русский, если не по крови и имени, то по подданству и отчасти – по воспитанию, я и совершил эту выходку на мельнице при Туркуэне? Тогда я даже не подумал, что можно поступить как-то иначе – тихо отойти вместе с людьми, вернувшись на позиции.

Французы, к их чести, всегда действовали по ситуации. Их прием – зайти с тылу и нанести удар. Я сам это видел, когда на нас пошла гренадерская рота оттуда, откуда мы не ожидали. Впоследствии оказалось, что они не гнушаются и других, более хитрых мер. Как бы мы не высказывали презрения к бесчестию Бонапарта на поле боя, надо признать, что он смог одержать столь блестящие победы из-за бестолковости любителей выстраивать войска в колонны и пускать их, словно скотину, прямо в лапы хищникам. Впоследствии якобинская тактика войны потерпела поражение, столкнувшись только с отчаянной храбростью русских, их готовностью жертвовать собой.

...Итак, пройдя маршем 60 верст от Турне, Кобург дал сражение при Флерюсе. Еще один отчаянный день в моем послужном списке. Герцог учел ошибки прошлого. Он разбил войска на шесть смешанных колонн, расставил их в довольно хитрой диспозиции. Но санкюлоты прибегли к еще одной ловкости, довольно необычной причем. Они запустили монггольфьер. Погода стояла ясная и ветреная, воздушный шар отнесло далеко. С его корзины наблюдатели могли видеть нашу диспозицию как на ладони, чем не преминули воспользоваться. В итоге, зная, как мы будем наступать, противник успешно отразил наши попытки атаковать. Пятнадцать часов, от первых лучей солнца до последних сумерек, длился этот ад. Я потерял друтого своего товарища – подполковника Карла фон Лангенау, человека больших способностей и отличной души. Самого меня тоже чуть не убили в рукопашной. И как было досадно, что усилия наши ничего не стоили! В шесть вечера принцу Кобургу пришло извещение, что гарнизон Шарлеруа пал, и дорога на Брюссель, на которой камнем преткновения лежала эта старинная крепость, таким образом, стала открыта для неприятеля. Несмотря на то, что удача могла

быть на нашей стороне, Кобург остановил сражение и приказал отступать, но это отступление было настолько ожесточенным, что с ним могло сравниться лишь то, что творилось в похожей ситуации при Аустерлице и Эйлау 10 годами позже.

...Весь оставшийся год мы покидали Нижние Земли. Медленно, мучительно, удобряя кровью многострадальные поля, которым суждено было снова послужить для этой же цели через 20 лет, когда принесенные законными монархами жертвы были отомщены на поле Ватерлоо. Мой начальник, генерал Корсаков отъехал в Польшу, где как раз в самом разгаре было восстание. «Сил моих нет такое видеть», – пожаловался он мне на прощание, имея в виду обстановку в нашей армии. Я должен был оставаться при австрийском штабе, служить ушами и глазами генерала. За это время Кобург, посчитав себя неспособным к командованию, что вовсе не справедливо, сложил с себя все полномочия. Французы начали движение на северо-восток, в Голландию, попутно заражая своими настроениями тамошних жителей. Те тоже пожелали свергнуть законного правителя – правда, будучи не склонными к кровожадности, гильотину в Амстердаме не возвели, а позволили принцу Вильгельму с семьей свободно уехать в Лондон.

Наступала зима, обещавшая стать еще холоднее прежней. Каналы и реки, которыми славились Нижние Земли, замерзли до дна. Якобинцы воспользовались морозами со всей своей беспринципностью и жестокостью. Англичан, гессенцев и эмигрантскую армию они заперли на северо-западе Голландии, те были без зимнего обмундирования, находились на нищей земле, жителей которых обобрали до нитки еще до них, подвезти сушей или морем недостающее не представлялось возможным. Многие не пережили эту зиму. Меня охватывает чувство удовлетворения, когда я вспоминаю, что не пройдет и 20 лет, как сами же якобинцы будут умирать от холода и голода во время похода на Россию. Вспоминали ли тогда, что они сделали с союзническими войсками в конце 1794-го?

Замечу, между прочим, что чем дольше живу и наблюдаю за событиями, замечаю, что есть какое-то равновесие в нашем мире – любое зло оплачивается злом в дальнейшем; добро также, но реже. Из-за этого я не верю в ад или рай. Нас вознаграждают и наказывают в реальном мире, а не где-то в горней выси или в огненных подземельях. Но многим людям привычнее бояться химер, чем мести судьбы и тех, кому они причинили зло.

...Через месяц после отъезда Корсакова в Польшу, в октябре 1794 года мне пришлось новое и совершенно иное поручение. Для того, чтобы исполнить его, надо предстояло уволиться из австрийской армии, а потом отправиться в Амстердам. Оттуда же мой путь лежал западнее.

Глава 3

Октябрь 1794 года, Антверпен

Кристоф въехал в Антверпен ближе к полуночи и нынче отчаянно думал, где бы найти ночлег. Жители прилежно соблюдали комендантский час, поэтому в окнах – ни огня, все двери закрыты на замки, – даже и те, которые должны быть открыты даже в такой, не слишком поздний час. На улице, меж тем, было промозгло и сыро. Ветер задувал с Шельды, сырость проникла за воротник, морось струилась по лицу и шинели. Барон чувствовал себя хуже бесприютной дворняги. Ничего другого не оставалось, кроме как стучаться в первые попавшиеся двери под кабацкими вывесками. Бывало, что на его стук не откликался никто. Иногда выходил сонный хозяин в долгополой сорочке или хозяйка в ночном чепце, тупо пялились в лицо Кристофа и молча захлопывали дверь, слыша немецкую речь и догадываясь, что перед ним офицер. Третьи бормотали, что им до сих пор за постой из австрийцев никто не заплатил и незачем им брать очередного нахлебника, или же роняли: «Geen plaatsen, Meneer (мест нет, господин)», не растрчиваясь на любезности и даже не интересуясь состоянием кошелька потенциального постояльца. Якоб, слуга барона, был не удачливее его в поиске ночлега. «Приучили их французы», – вздохнул он после очередной неудачной попытки. А Кристоф подумал – что же заставляет падких на блеск золота трактирщиков отшатываться от любого, кто напоминал австрийского офицера? Неужели и здесь уже ввели парижские порядки, и вот-вот сколотят гильотину рядом с собором Антверпенской Богоматери, чтобы отправлять на тот свет «пособников кровопийц»? Кстати, если ему посчастливится найти открытую церковь, можно и туда зайти. Он направился к собору, угловатой громадой высившемуся над домами.

«Герр Кристхен», – окликнул его Якоб, шедший впереди – «Может, сюда попробуем?». Он показывал на одинокий фонарь, висевший над крыльцом и освещавший вывеску De Gouden Naap. Намалеванный выцветшей желтой и алой краской фанерный петух качался на ветру. Кристоф сделал слуге знак – мол, иди, уговаривай хозяев.

Якобу быстро открыли, и барон приблизился, пытаясь уловить смысл их быстрого полупшепота. И после последнего Ja wel он понял, что устраиваться на соборной лавке нынче не придется. Это заставило его вздохнуть с облегчением.

Сунув старику-хозяину кошель, полный монет – он понятия не имел, сколько дней и ночей проведет здесь – Кристоф последовал за ним. Трактир оказался крайне маленьким – в общей зале стояло не более трех столов, кухня огорожена хлипкой ширмой, а комнаты, всего числом три, находились на верхнем этаже. Место не слишком хорошее, но здесь, по крайней мере, тепло. И достаточно чисто. За дни странствий Кристоф не переставал удивляться, как в условиях войны и разорения местные жители умудрялись соблюдать чистоту – даже в крестьянских избах ни разу ему не попадалось постели, кишашей клопами, или засиженных мухами стен. В самой комнате находились кровать с распятием над ним, умывальник, окошко, выходящее во внутренний двор, стол с подсвечником. Кристоф знал, что последний предмет ему понадобится более всего. Спросил у хозяина, может ли он пользоваться свечами сколько угодно, но тот покачал головой и пробормотал: «Een kaarsje voor een nacht» (Одна свеча на вечер). Плохо. Предложил еще денег, но хозяин опять повторил ту же фразу. Спорить бесполезно, особенно когда толком не говоришь на этом смешном наречии, лишь отдаленно напоминавшем его родной язык. Поэтому Кристоф смирился. «Что-нибудь придумаю. Пошлю Якоба в лавку, в конце-то концов», – решил он.

Дверь запиралась на замок изнутри, и барон вздохнул с облегчением – воров и разбойников можно не опасаться. А у него было что красть. Его основное ценное имущество заключалось не в гульденах и золотых гинеях, не в личных вещах и оружии – паре пистолетов, двух шпагах и палаше – а в синем сафьяновом портфеле, где хранились донесения. Они стояли

намного дороже всего, что имел при себе фон Ливен. И, возможно, дороже его собственной жизни. Якоб знал о них. Поэтому, когда Кристоф, сбросив с себя промокшую насквозь одежду, едва стянув сапоги, бросился на постель и заснул мертвецким от усталости сном, его слуга аккуратно вынул из сумки шпагу и сам лег около двери, подложив оружие под покрывало.

...Фон Ливен проснулся посреди ночи и долго не мог понять, где находится. Вокруг стояла кромешная темень. Где-то близко слышались шаги и голоса. Прислушался. Говорили по-французски. «Черт...», – чуть не сорвалось у него с губ. Захотелось быстро соскочить с кровати и убежать. Но он одернул себя: куда бежать? Да и даже если и французы, то что в этом такого? Кристоф уже не состоит на службе у австрийцев. Пытаться куда-то скрыться – значит, навлекать на себя лишние подозрения. Услышав, что Якоб тоже проснулся, барон шикнул на него. Сам он лишь перевернулся на другой бок, ближе к стене, и стал прислушиваться к чужой речи. Вскоре облегченно вздохнул – то были не военные и не какие-нибудь иные санкюлоты. Говорили двое – мужчина и женщина. Называли друг друга на «ты». От нечего делать он прислушался к разговору. Вопреки его предположению, обсуждала пара вовсе не дела любовные.

«Жюли», – горячо убеждал свою спутницу незнакомец за стенкой. – «Ты не понимаешь! Здесь опасно оставаться. Город вот-вот сдадут. И если они узнают, кто я, то нам не убежать».

Он говорил по-французски свободно и без всякого акцента. Очевидно, для него этот язык был родным.

«Но я должна дождаться его», – возразила тихо женщина. Кристоф едва различал ее реплики. Голос у нее был приглушенный, низковатый, с легкой хрипотцой. Если бы не был столь взволнованным, звучал бы даже соблазнительно. И да. В отличие от своего собеседника, у нее в речи слышался акцент – причем очень знакомый Кристофу: он сам выговаривал французские слова именно так. «Немка или русская. Нет, немка, наших Юлиями не зовут», – решил он. – «Но кто сказал, что это ее настоящее имя?...»

«Тебе не дали никаких сроков. Тебе даже не сказали, что он прибудет именно в Антверпен. Чего дожидаться? Жюли, я нашел человека», – безмянный спутник. – «Нас вывезут на барже. Оттуда – напрямиком в Копенгаген. Мне сказали, что через четыре дня якобинцы будут здесь. Ты знаешь, что они сделают со мной...»

«Шарль», – взмолилась дама. – «Я не могу сейчас уезжать. Что бы не случилось. Дай мне неделю».

«Неделю? Ты определенно безумна, ma chere! И если ты не думаешь о себе, не говоря уже обо мне, подумай о Софи. Она-то в чем виновата?! В том, что твоему мужу...»

«Потише», – твердо проговорила Жюли. – «Мы здесь не одни».

«Ты же говорила, что старику можно доверять?»

«Я не о самом старике. Йост и по-французски толком не понимает. Два часа назад он кого-то вселял. В соседнюю комнату. Кажется, военного».

«Почему ты мне раньше не сказала, чтобы я выкупил весь трактир?» – проговорил француз.

«Потому что кому-то очень нужно было отдать долг чести», – голос дамы стал ледяным. – «Если мы от чего и пострадаем, так это от твоих привычек, Шарль».

«Ну и что нам теперь делать?...»

Тут Якоб не выдержал и проговорил в полный голос:

«Это же французы, герр Кристхен?».

За стеной разом затихли. Послышался резкий стук рамы, взволнованный шепот женщины, еще стук, звон стекла, шаги, лепет и всхлипывание разбуженного ребенка где-то вдалеке – в другой, третьей комнате – и утешающий женский голос с опять-таки немецкими интонациями.

«Dummkopf!» – невольно выругался барон. – «Кто тебя просил так орать? Сейчас весь дом на уши встанет!»

Дама за стеной вздохнула и вымолвила: «Gott sei Dank». Эту фразу она произнесла с самым натуральным рижским выговором. Кристоф и Якоб многозначительно переглянулись в темноте.

...Остаток ночи Кристофу не спалось. Вроде бы дело ясное – некая галантная дама, его соотечественница, выбрала совсем неподходящее время для путешествий по Европе. С нею кавалер-француз, скорее всего, ее любовник, если не муж. Не санжюлот – сам от них скрывается. Причем для него они представляют куда большую опасность, чем для этой остзейки. Дело ясное – он эмигрант, из аристократов. Бежит от своих восставших братьев по крови. Но почему же этой Юлии надо кого-то дожидаться? Что это вообще за история? Кристоф мог бы забыть об этом – у самого забот хватало. Но природное любопытство взяло свое. К тому же, у этой его соотечественницы голос, от которого у него сразу мурашки по телу пошли... Давненько Кристоф не встречал женщин, которые бы вызывали у него такой прилив страсти. Соседка его представлялась ему роскошной красавицей – высокой, статной, с лицом Афины или Юноны, гривой пышных волос – и непременно темными, прожигающими душу насквозь глазами. У кого же еще может быть такой голос? «Она должна стать моей», – подумал он с блаженной улыбкой на устах, всматриваясь во тьму и чувствуя – каждая новая черта, которой он наделял никогда не виденную им женщину, все более воспламеняет его. Еще чуть-чуть, – он ворвется к ней в комнату. «Успокойся», – в конце концов, сказал себе Ливен. – «Только романа мне нынче не хватало. А вдруг они французские шпионы?» С тем он и заснул. Но таинственная незнакомка пришла к нему во сне и позволила сделать с собой все, что барон мог пожелать. И утром он чувствовал себя крайне вымотанным, словно ночь любви случилась с ним наяву.

Утром, серым и промозглым, одевшись и с наслаждением покурив, Кристоф вышел в общую комнату и смог увидеть ту, из-за которой сегодня не выспался. Обладательница голоса Сирены настолько не соответствовала его фантазиям, что он подумал – возможно, это ее служанка. Но одета она была в дорогое, хотя и довольно сдержанное по покрою дорожное платье темно-вишневого цвета, с белым воротником. Она что-то писала. Приход барона заставил ее поспешно отложить перо и бумагу. После того, как дама поприветствовала его тем же обворожительным голосом, ему оставалось только дивиться, насколько же причудлива природа человеческая. Перед ним сидела невысокая хрупкая блондинка. Красавицей ее нельзя было назвать – слишком невзрачные черты лица, словно их нарисовали пастельным карандашом на бледном овале лица, слишком худощава. Ее голубовато-серые глаза с интересом, без всякой робости, но и без кокетства, глядели на него. Сложно сказать, сколько ей лет – Кристофу показалось, что они ровесники. В любых других обстоятельствах Кристоф бы на эту Жюли даже не посмотрел. Но обворожительный голос, грациозное движение тонких, длиннопалых рук, с которой она поправила выбившуюся из прически прядь пышных, чуть вьющихся волос, со вкусом подобранный туалет, который, несмотря на свою внешнюю непритязательность, подчеркивал все достоинства ее изящной фигуры, заставило фон Ливена задержать на ней взгляд намного дольше пристойного. Взгляд его, однако, ее не смутил, что и доказало лишний раз – девическая пора в ее жизни давно миновала.

...А после того, как они представились друг другу, у Кристофа появился еще один повод убедиться, что все в этом мире завязано в плотнейший узел. Сначала ее имя и титул ни о чем ему не сказали: «Баронесса Барбара-Юлия фон Крюденер». Кажется, жена нашего посланника в Дании, родом из тех, рижских Крюденеров. Но она, очевидно, узнала его первой. «Фон Ливен...», – повторила она задумчиво. – «Кем вам приходится баронесса Шарлотта?» Он ответил. Дама заметно оживилась.

«Вот как? Получается, мой братик Бурхард женат на вашей родной сестре?» – она взглянула на Кристофа уже несколько кокетливо. Барон был уверен в себе и своей неотразимости, поэтому ее взгляд воспринял, как заслуженную награду. И, ежели она и впрямь *та самая* сестра Бурхарда, о которой шептались на приеме в честь свадьбы Катарины – мол, «на редкость

развратная особа», «бросила мужа и сына, шатается по Европе в поисках приключений», «как хорошо, что она не доехала, каким бы позором покрыла нас всех», то возможно все, о чем он давеча мечтал. Если только не помешает отсутствующий здесь француз по имени Шарль.

«Собственно, что привело вас сюда в такое время года?» – спросил он, попытавшись опередить похожий вопрос.

Юлия вздохнула. «Я и не знала, что страсть к путешествиям окажется столь роковой для меня. Сначала нас с Софи чуть ли не схватили в Париже – хорошо, что мой друг шевалье де Фрежвилль спас меня. Потом оказалось, что я не могу вернуться к мужу. Надеюсь, что на этой неделе мне удастся наконец-то приехать в Копенгаген – и даже, если получится, в Петербург. Вы, наверное, тоже жертва страсти к путешествиям?»

«Так вот почему этот Шарль так боится встречи с собственными соотечественниками», – подумал барон. – «На его месте я тоже бы боялся». Кристоф колебался – что ему позволено рассказать, а о чем следует умолчать? Вкратце упомянул о своей службе в рядах австрийской армии, далее сказал отчего-то, что следует в Польшу.

«Не видать конца и края этой войне», – вздохнула Юлия. – «Все в крови. Все разорено. Меня удивляет, с какой скоростью воцарился новый порядок. С какой готовностью они убили короля».

«Вы правы», – подхватил Кристоф. – «Но меня удивило, насколько же они сильны. Нам так и не удалось их остановить».

«Их могут остановить», – Юлия понизила голос, словно хотела сообщить нечто очень важное.

Кристоф знал о роялистском возмущении в Вандее. Знал и о том, что они потерпели неудачу. Поэтому посмотрел на свою собеседницу снисходительно – мол, совсем она не следит за новостями. Та поняла значение его взгляда. Оглянулась, и, перейдя на французский, быстро произнесла:

«Еще остались *верные*. И кавалер де Фрежвилль среди них».

«Поэтому он так боится встречи с якобинцами?» – невольно вырвалось у Кристофа. Потом, извиняющимся тоном он разъяснил, что случайно стал свидетелем разговора, и добавил:

«Если бы не такой недостаток в трактирах в этом городе, я бы сменил пристанище – здесь очень тонкие стены».

«Не беспокойтесь. Йост, хозяин гостиницы, – верный человек. Не выдаст», – продолжила баронесса, как ни в чем не бывало. – «Нам с вами очень повезло».

Кристоф хотел ответить, что представляет нейтральную сторону – как, впрочем, и она – но подумал, что лучше покамест помолчать. Почему-то он не мог ей полностью доверять, хотя и не сомневался, что Юлия – именно та, за кого себя выдает.

«А вот и Софи!» – воскликнула баронесса, резко сменив тон. В общую комнату вошла няня с хорошенькой кудрявой девочкой лет шести. «Мамми!» – побежала та к Юлии. Потом, увидев чужого человека, остановилась. Ее синие глаза замерли на лице Кристофа. Тот попытался улыбнуться, – как всегда, когда встречал маленьких детей. «Что надо сказать, фройляйн?» – начала няня. «Доброе утро...», – начала девочка, стараясь на него не глядеть.

«Не беспокойтесь», – улыбнулась Юлия, подхватывая дочь на ручки. – «Софи стесняется чужих, особенно мужчин».

«Я вас покину, чтобы не смущать фройляйн Софию», – Кристоф сказал это невольно.

«Ах, право, не стоит, когда-то ей придется привыкать к обществу кавалеров, правда, *meine Mädchen?*» Баронесса, по всей видимости, обожала девочку, а та рядом с матерью стала поувереннее. Кристоф невольно восхитился этим проявлением нежности. В его кругах такое было не принято. И в строгих петербургских или рижских гостиных на такое поведение Юлии смотрели бы как на очередное доказательство ее «развращенной» натуры

«Неужели она с дочерью была в Париже и удирали от якобинцев?» – задал себе вопрос Кристоф. – «И почему она не оставила ребенка с мужем? Или эта Софи – не от мужа?». Юлия казалась слишком юной и хрупкой, чтобы зваться матерью семейства; впрочем, внешность обманчива.

Вошел Йост и подал им скромный завтрак, состоящий из яиц, хлеба и молока. Юлия передала дочь няне, которая помогала девочке в еде. Потом ее увели.

Разговор снова свернул на семейные темы, словно они находились в светской гостиной. «Увы, я не знакома с избранницей своего брата», – вздохнула баронесса. – «Но, если она во всем похожа на вас, я очень рада за Бурхарда».

Кристоф покраснел. Дама в открытую делает ему комплименты. И сопровождает их таким взглядом... Боже мой. Так откровенно авансы ему еще никто не делал. И впрямь, постыдилась бы.

«Катарина всегда отличалась большими добродетелями», – выдавил он из себя. Почему-то вспомнил младшую сестру. Наверное, единственную из его большого семейства, о ком успел соскучиться. Катарина всегда жалела малых и слабых – однажды по ее воле ему пришлось лезть на дерево и снимать застрявшего в ветвях котенка, оглашавшего испуганным мяуканьем всю округу. Тогда он впервые столкнулся с восхищением со стороны кого-то противоположного для себя пола: «Кристин, ты мой герой!» – говорила она и глядела на него так, словно он и впрямь совершил нечто храброе. Братья же его только высмеяли, а матушка еще и отругала за порванные штаны. Тогда он еще понял, что женщин часто восхищает в мужчинах совсем не то, чем гордятся они сами. Юлия тоже давала это понять своим взглядом. Кристофу показалось, что она каким-то образом знает о том, за что им восхитилась сестра.

«А еще я уверена, что она красавица», – проговорила Юлия, неотрывно глядя в глаза своему визави. Кристоф вцепился за край стола, чувствуя, как потеют ладони. «А как же Шарль? ... Он не ревнив? Или у вас с ним иные отношения?..», – так и подмывало его спросить. Он выдавил из себя что-то утвердительное.

«Если нам повезет, то через неделю мы будем в безопасности», – сказала Юлия как ни в чем не бывало, не обращая ни малейшего внимания на его смущение. «Как вы, возможно, слышали, я жду вестей. Когда я их дождусь, то могу уехать отсюда».

«Я бы на вашем месте уехал раньше. Тем более, вы с ребенком», – проговорил он.

«Шарль мне твердит о том же», – вздохнула Юлия. – «Но увы, это зависит не от меня».

«Кого же вы ждете?» – Кристоф знал, что она, возможно, откажется отвечать. Но баронесса, взглянув ему в глаза, сказала откровенно:

«Я жду русского представителя, которого должна сопроводить кое-какими инструкциями. Я ждала его в Брюсселе, но он не явился, и город взяли. Мы еле оттуда выбрались, пришлось прибегать к маскараду», – она чуть усмехнулась. – «Я подумала, что разминувшись, но далее мне передали бумагу, что он должен проследовать в Антверпен. Мы здесь уже десять дней».

«Русский представитель...», – задумался Кристоф. – «А не меня ли она дожидается? Но мне дали указание следовать в Амстердам. Это многим севернее».

Словно предугадывая вопрос, она сказала: «У него русское имя. Он адъютант одного генерала... Более я ничего не могу сообщить».

«Я могу помочь вам его разыскать», – проговорил он. – «Подчинитесь шевалье де Фрежвиллю, и отправляйтесь в Копенгаген. Я останусь здесь и дождусь его, а потом передам все, что нужно. Мы же с ним коллеги. Можете мне доверять». Он приложил руку к сердцу, словно давая ей клятву, но Юлия отрицательно покачала головой.

«Я с первого взгляда поняла, что у вас доброе сердце», – проговорила она таким голосом, что у барона голова закружилась уже окончательно. – «Мне понятно, что я могу вам доверять».

Но пока мы с Софи в безопасности, я должна оставаться здесь. Да и вам нужно следовать далее».

Не зная, зачем он это делает, Кристоф подошел к Юлии и положил ей руки на плечи. Она не отвела их, словно это был самый естественный жест.

«Ma chere», – проговорил он горячо. – «Тогда я буду с вами. Если вы опасаетесь только за шевалье, отпустите его... Я защищу вас обеих».

Он ожидал негодования. Но Юлия только проговорила:

«Я долго пребывала в отчаянии. Мне казалось, что вокруг столько низостей, столько мерзостей... Но судьба меня сводит с настоящими героями. Вы один из них, хоть и столь юны».

«Умоляю вас, отошлите Фрежвилля...», – шептал он, словно в бреду.

«Зачем меня отсылать?» – раздался уверенный голос.

Кристоф быстро повернулся. Невысокий брюнет с весьма милостивой наружностью, переодетый в костюм пастора, стоял напротив него. Под сутаной угадывалась шпага. Глядел он на Кристофа как на нашкодившего щенка. И было за что.

Чтобы замять неловкую паузу, Юлия начала торопливо представлять их друг другу и говорить о неисповедимых путях, столкнувших их, родственников, друг с другом.

«Мир тесен и земля круглая», – попыток Фрежвилль, присаживаясь рядом с ними. – «Но вы так и не ответили на вопрос, барон фон Ливен – ваше ли родство с мадам Жюли вам право распоряжаться ее маршрутом? Или же есть другие причины не доверять мне?»

Удивляло то, что Фрежвилль не говорил ничего оскорбительного, – наоборот, вел себя подчеркнуто любезно. Но при этом Кристофу страшно хотелось надавать ему пощечин и позвать на дуэль. Впрочем, он понимал, это чувство было взаимно – шевалье он тоже не понравился.

«Мне показалось, что мои причины вам очевидны. Я русский подданный, как и мадам баронесса. Вы же носите титул шевалье, что на территории, оккупированной якобинцами, весьма опасно», – повторил фон Ливен столь же любезно. Но затем добавил вполголоса: «Странно, что вам незнакомы подобные истины».

Юлия перевела взгляд с одного молодого человека на другого. Более всего ей не хотелось, чтобы двое жертв ее обаяния поубивали друг друга прямо на ее глазах.

«Что ж, я вижу, русские офицеры – настоящие рыцари», – проговорил Фрежвилль вполне любезно, но с некой язвительностью в голосе. – «Но меряться благородством нынче не время. Здесь говорят, что французы придут сюда через три дня».

«Mon Dieu», – вырвалось у Юлии.

«Завтра в Амстердам отправляется баржа в Амстердам. Нам надо поспешить...», – сказал Фрежвилль. – «И, думаю, вам тоже, молодой человек. Я понятия не имею, как якобинцы относятся к русским. Тем более, если эти русские – еще, к тому же, и австрийские офицеры».

Кристоф посмотрел на Юлию. Если она проявит упорство и останется с ним, так тому и быть. Он знал, что защитит и ее, и ребенка. Что бы это ни стоило. Если же она поддастся уговорам шевалье, то что ж, он ее тоже поймет. Если этот Фрежвилль действительно увез ее из захваченного бунтом Парижа, то и здесь ее выручит. О Боже, как мучительно Кристоф ему сейчас завидовал!

«Не думаю, что к французским шевалье относятся лучше», – парировал он. – «И вы уверены в том, что осталось именно два дня? Вчера я не заметил их аванпостов».

Проигнорировав его реплику, Фрежвилль обратился к Юлии:

«Мне не хочется тебя вынуждать, ma chere, но нужно принимать какое-то решение. Так продолжаться больше не может».

Юлия отошла от них к подоконнику. В неверном свете хмурого утра ее волосы отливали серебром. Она сказала: «Шарль. Поезжай в Лондон. Там тебя ждут. Я же останусь здесь. Мы будем в безопасности».

«Оставаться здесь?!» – вскричал Фрежвилль. Его румяное лицо резко побелело. «В распоряжении вот этого...» – он указал на Кристофа.

«Милостивый государь», – настал черед пылать гневом фон Ливену. – «Я был в четырех сражениях, и ни в одном из них не показал себя трусом. И, ежели вы сомневаетесь, готов с вами драться... Якоб, шпагу!» – позвал он слугу.

«Нет!» – закричала Юлия. – «Так дело не пойдет, я запрещаю вам!»

«Мадам, это дело чести», – проговорил Фрежвилль сдержанным голосом. – «Ежели вы отдали предпочтение не мне, то я бы готов смириться с подобной неблагодарностью с вашей стороны. Но ваша самонадеянность угрожает вашей жизни – и жизни ни в чем не повинного ребенка».

Кристоф уже взял шпагу из рук Якоба и лихорадочно вспоминал все позиции, которым его учили в фехтовальной школе. Здесь слишком тесно. Это плохо – дело окончится кроваво. Да еще Юлия намеренно встала меж ними, скрестив руки на груди. Кристоф заметил, что она не походила на несчастную жертву обстоятельств. На обоих своих поклонников – давнего и новоиспеченного – баронесса смотрела, как строгая няня – на расшалившихся мальчишек.

«Становитесь в позицию!» – воскликнул Кристоф, удивляясь бездеятельности своего противника. – «Я требую немедленной сатисфакции!»

«Если вы здесь поубиваете друг друга из-за вашей гордыни, я совсем пропаду», – твердо проговорила Юлия. – «Поэтому, мсье фон Ливен, положите шпагу на место. А вы, мсье шевалье, не вынимайте ее».

«Я и не собирался», – отвечал Фрежвилль.

Кристоф неохотно положил свое оружие в ножны. Потом, обращаясь к шевалье и стараясь не глядеть на Юлию, проговорил: «Но помните – мы квиты. И если мы повстречаемся при более благоприятных обстоятельствах, я заставлю вас смыть оскорбление кровью...»

«Не отказываюсь от вызова», – пожал плечами Шарль, хранивший завидное спокойствие все эти минуты. – «Надеюсь, я смогу лично убедиться в качестве петербургских фехтовальных мастеров». Эта выдержка почему-то заставляла Кристофа чувствовать себя безумно глупо – к чему была вся его прежняя горячность?

Юлия добавила: «Бог мой, и так столько крови проливается, а вы еще больше хотите пролить? Лучше извинитесь друг перед другом».

Фрежвилль извинился первым. Потом добавил: «» вижу, что у вас достаточно храбрости и чести, но достанет ли у вас благоразумия? Очень надеюсь, что да».

Фон Ливен не знал, что на это отвечать. «Еще и дураком отказался», – мрачно подумал он. – «Нет, я уеду». Наскоро попрощавшись, он вышел из трактира, чтобы пройтись по городу. Неровные улицы выглядели пусто и одиноко – при свете дня ничем не лучше, чем вчера вечером. Большинство лавок было закрыто. Шпили соборов скрылись в низких облаках. Город словно готовился к оккупации. Но Кристоф мало обращал внимание на окружающее. Жгучая обида на самого себя ела его поедом. И ярость была направлена на Юлию... Она же спровоцировала. Но было бы лучше, если бы она согласилась уехать с Фрежвиллем? Возможно, что и да...

Он вышел в порт. Здесь было довольно оживленно. Люди толкались, торопясь сесть на баржи, грузчики наполняли их немудрящим скарбом. Куда они спешат? Скоро уже некуда будет спешить. Рядом с ним двое людей, довольно неплохо одетых, обсуждали что-то очень оживленно, но по-фламандски. Кристоф мог улавливать отдельные слова: «Wij kunnen met hun leven ook...», «Maar niet, Lood, ik ga naar Londen». Слово «Londen» повторилось в беседе еще пару раз. Чтобы не возбуждать подозрений, Кристоф отошел от местных господ подальше. Кажется, туда отправляла Юлия Фрежвилля?.. Что ж, неудивительно, таких, как они, в Лондоне ждут. Кстати. А корабли туда ходят? Или надо непременно через Амстердам туда отправиться? Вот бы выяснить... «Надо Якоба послать», – думал с досадой Кристоф. Вряд ли най-

дется много охотников говорить с ним сейчас по-немецки. Он поднял воротник своего плаща и отправился искать местечко, где можно выпить что-нибудь горячего. Обиды уступили в его душе желанию действовать. Дойдя быстрым шагом до ближайшего трактира, из приоткрытых дверей притягательно тянуло теплом, заказав кружку горячего вина, барон размышлял – может ли он отправить Юлию в Лондон, а сам дожидаться агента здесь? Может быть, разделить со слугой? А хозяин этого «Золотого петуха» – насколько можно ему доверять? Юлия упоминала давеча, что он вне подозрений. Если предложить ему еще денег, может быть, он и сможет отдать вновь прибывшему человеку письмо. Слишком много вопросов, и задать их некому. Разве что баронессе фон Крюденер. Но она не должна считать его беспомощным юнцом. Хотя, наверное, уже его таковым считает... От воспоминания о своем поступке Кристоф покраснел, но смог быстро опомниться. Вино имело приторный привкус, и он оставил недопитую кружку на столе. Огляделся. Народу было не очень много, все люди простого звания. На него никто внимания не обращал, но отчего-то барону было не по себе. «Не надо ходить одному...», – подумал он. На всякий случай нащупал тонкий стилет во внутреннем кармане сюртука. В поножовщине он покамест не участвовал – сложнее ли это штыкового боя? Барон, однако, поспешно встал, кинул горсть монет на стол и вышел из питейного заведения. Пройдя немного вдоль реки, он услышал нестройный гул множества голосов позади себя. Словно бы случился пожар. «Не оглядывайся», – сказал Кристоф себе и резко ускорил шаг. Сзади – топот десятка ног, все нарастающий. Гул слился в нестройное пение, слова которых складывались в знакомое ему *Ça ira*. Прогремела пара выстрелов. И вот его уже догоняют первые, кто решил скрыться бегством – господа и дамы, женщины в чепцах с младенцами, закутанными в шали, уличные мальчишки. Кристоф резко свернул к реке, чтобы толпа беглецов не затоптала его в ужасе. Но и здесь не было покоя – люди катились по обрыву, махали лодочникам, чтобы те забрали их. Барон увидел краем глаза сине-бело-красные знамена, реюющие вдалеке. Подумал мельком, что на поле боя они не столь страшны, как в мирное время. «Быстро они», – кто-то говорил по-немецки, кажется, с вестфальским диалектом. «Да не они вошли, а из своих кто-то народ поднял», – отвечал ему другой голос. – «Сколько там надо-то? Пять человек подлецов, а остальные за ними...» «Ты тише с такими речами», – молодой вестфалец покосился на Кристофа. – «Как знать, кто может их услышать». Барону хотелось, конечно, развеять их подозрения, но недосуг. Одно хорошо – он понял, что возмущение портом и ограничилось. Выстрелов больше не было. Кристоф пошел вдоль речного откоса, и ноги его увязали в топкой земле. Ему повезло, однако, что здесь нет каменной набережной – она начиналась чуть далее. Толпа, между тем, потекла в обратном направлении. Он вылез на променады и начал активно расталкивать локтями зевак, выслушав немало проклятий в свой адрес. Люди стекались отовсюду. Кристоф и не знал, что Антверпен такой многолюдный. Такое ощущение, что бунтовщиков здесь ждали. Крики ужаса сменялись воплями восторга. Наконец, ему удалось выйти на узкую улочку, и закоулками добраться до заветной двери, над которой висела вывеска с золотым петухом.

Кристоф поспешно спустился по ступенькам, взялся за дверную ручку – не заперто. Самые страшные подозрения родились у него.

«Юлия! Якоб! Там ужас...», – начал он. Никто не отозвался. Дверь в его комнату была заперта. Тревога охватила его. Немыслимо!

«Юлия! Где вы? Там начался бунт!» – начал он. Опять тишина. Неужели она все-таки уехала с Фрежвиллем? И успел ли обернуться он за три часа?... Вряд ли.

«Это вы, барон?» – баронесса поспешно спустилась с лестницы. На ее плечи был накинут черный плащ, закрытый наглухо, голова была покрыта.

«Слава Богу, вы здесь! И живы! Видели, что творится?» Она сбросила на ходу платок, расстегнула плащ. Кристоф подбежал к ней.

«Нам надо или скрываться, или бежать», – говорил он, не выдавая своей тревоги за нее, помогая ей справиться с застежкой. – «Где Софи и няня?»

«Я отправила их наверх. К нашему хозяину. Но это ненадолго», – Юлия говорила, чуть задыхаясь. Ее лицо покраснелось при беге, и могло нынче назваться даже красивым. «Лучше, я думаю, затаиться», – проговорил Кристоф. – «Мы вряд ли сейчас убежим, только подозрение возбудим».

«Все точь-в-точь как в Брюсселе, Бог мой», – Юлия присела на стул в изнеможении. – «У нас есть шанс сбежать... Попробуем переодеться. Вам определенно нужно будет», – она осмотрела его критическим взглядом.

«У нас могут проверить документы», – сказал Кристоф, покачав головой. Юлия вздохнула. Потом, не обращая ни к кому, сказала: «Если бы Шарль не проиграл тех денег, то документы у нас были бы».

«Ах, он еще и игрок!» – вырвалось у барона. – «Сам-то он переоделся в кюре. Только, боюсь, нынче маскарад несвоевременный».

Они пока не трогают священников, здесь все-таки не Вандея», – быстро проговорила Юлия. – «Знать бы, где он?.. Может быть, еще придет».

Кристофу, несмотря ни на что, менее всего хотелось видеть здесь господина шевалье. Отчаянная мысль пришла ему в голову.

«Сколько эти документы могут стоить и как их выправить?» – спросил он, понимая, что мелет глупость. Вряд ли баронесса такие вещи знала, а даже если и знала бы, то где он в охваченном восстанием Антверпене найдет этих людей? Юлия предсказуемо покачала головой.

«Где Якоб?» – Кристоф оглянулся на закрытую дверь.

«Я его отправила искать вас», – тихо ответила Юлия.

«Наш хозяин...», – продолжал размышлять вслух барон. – «Насколько вы можете ему доверять?»

«Он из наших», – отвечала женщина.

«Из наших? Кто эти наши?»

Юлия замолчала и указала на камин, выложенный изразцами. Кристоф недоуменно уставился на них и заметил, что они составляют целую картину – алую розу. Что в этом? Внезапная догадка – воспоминание – пришло к нему, словно из забытого сна. «Ищите да обрящете». Точно, какое-то тайное общество. Но что за общество, в котором состоял его дед, эта баронесса сомнительного поведения, приближенный короля Густава-Адольфа – и антверпенский трактирщик? «Что это значит?» – спросил он.

«Это значит, что Йост не выдаст ни меня, ни вас даже под пытками», – голос Юлии был тверд. Кристофу внезапно захотелось все рассказать: от той самой башни до Армфельда – и спросить: «Почему вы спасаете меня?» Но лишь начал, как женщина приложила палец к губам: еще не время. И не место.

«Знайτε одно – когда являемся мы, то это значит, что скоро все изменится к лучшему», – произнесла она.

«И нам придется остаться здесь», – добавила Юлия. – «Никуда не выходить».

«Но сможем ли мы скрыться, если здесь хозяйничают якобинцы?» – спросил он ее. Мучительно хотелось курить, но весь табак и принадлежности остались в запертой комнате. «В первые дни всегда переполох. Я видела это в Париже, в Брюсселе...», – Юлия откинулась назад, поправила волосы. Ее спокойствие Кристофа поражало. Любая другая давно бы лежала в обмороке, билась бы в тревожной истерике. А баронесса словно знала, что все закончится хорошо.

«Но не отрежут ли они пути сообщения с Амстердамом?» – продолжал размышлять вслух Кристоф, все более досадуя на невесть где запропастившегося слугу. К тому же, подспудная тревога грызла его: а если Якоб не вернется? Или кого-нибудь приведет за собой?

«Я так думаю, в Амстердаме сейчас творится то же самое», – спокойно проговорила его спутница. Кристоф отвернулся. Менее всего хотелось ему показываться перед Юлией трусом – но так и было. Все пути к отступлению отрезаны. Напрямую в Копенгаген не отправишься. Хотя... Они и впрямь мало чем рискуют. Разве что его бумагами. Для якобинской военной разведки там будет очень много чего интересного. В крайнем случае, документы можно повторно зашифровать, а их оригиналы сжечь. Чем он и занялся бы, если бы имел доступ к своей комнате. Уже начал думать – а не вышибить ли дверь силой? Или все-таки постараться попросить у трактирщика запасной ключ?

«Ваш русский сюда вряд ли доберется», – проговорил он далее. – «А вы случайно не сможете припомнить его фамилию?»

«Зачем я вам должна об этом сообщать?» – Юлия взглянула на него пристально. – «Да и потом, он должен сам меня найти».

«Я думаю, что он уже давно в Амстердаме», – Кристоф выдержал ее взгляд. – «Знаете, если этот олух встретится мне в Петербурге...»

«А если он не явится, то можете ли вы выполнить его поручение?» – спросила баронесса. – «Я думала об этом в ваше отсутствие...»

Кристоф пожал плечами. «Почту за честь», – бросил он несколько небрежно, что было не вполне уместно в таких обстоятельствах.

«И потом», – добавил он. – «Что-то мне подсказывает – я именно тот человек, которого вы ищете. Слишком много совпадений».

Юлия запустила руку в висевшую у нее на поясе небольшую сумку. Вытащила листок. Шесть букв. И рисунок – крест в круге. Это был один из официальных шифров, которые передало ему через Корсакова дипломатическое представительство в Нижних Землях. Разгадку барон знал наизусть: «Озарение». Так и ответил. Юлия рассмеялась.

«Если бы вы поступили так раньше, все было бы гораздо проще. Но я на вас не подумала...», – проговорила она.

«Я так не похож на человека, действующего по особым поручениям?»

«Почему же? Но послать меня с поручением к родственнику...».

«Очевидно, полагали, что нам будет проще договориться...», – Кристоф улыбнулся в ответ. Тревога, несмотря на странное отсутствие слуги, уже прекратилась. «Но мне не говорили про Брюссель».

«Возможно, вас несколько».

«Не отрицаю. Но я все равно так вас не оставлю», – проговорил Кристоф.

Юлия смотрела на него пристально, не отводя глаз.

«Если бы вы сразу показали мне эту бумагу, то шевалье остался бы здесь...», – продолжил барон.

«...И вы бы об этом очень сожалели, не так ли?» – взгляд баронессы сделался теплым, зрачки расширились, придавая ее светлым глазам глубину. Кристоф снова побагровел. Стоило ли признаваться? Он только кивнул и добавил: «Я сейчас понял, что люблю вас».

«Ох, mon cher, не разбрасывайтесь такими фразами», – меланхолично улыбнулась дама.

«Но ведь это правда», – добавил барон.

Он подошел к ней и взял ее руки в свои. Она встала, не отнимая рук, – тонких, как веточки, и горячих, как раскаленные угли – и припала к его груди...

Дальнейшее Кристоф запомнил смутно: они целовались так, словно оба обезумели от страсти. Умело расправляясь с его одеждой, Юлия покрывала поцелуями его шею и грудь, и сама млея от его ласк, становившихся все более нетерпеливыми... Он уже гладил ее ноги и готов был перейти к более решительным действиям, но тут раздался стук двери, сменившись шагами по скрипучей лестнице.

«Герр Кристхен!» – в дверном проеме появился Якоб. – «Вы живы, слава Богу! А там бунт в самом разгаре...» Он был полураздет – очевидно, потерял свой плащ и шляпу в толпе, у сюртука половины пуговиц не хватало. Двусмысленность положения, в котором оказался его господин и вот эта знатная дама, Якоба не смутила.

«Отпирай скорее дверь!» – Кристоф постепенно опомнился от морока страсти. – «Ты как, цел?» Якоб кивнул.

«Завтра мы выезжаем. Срочно. В Амстердам». Добравшись до своих вещей, Кристоф вынул бумажник, отсчитал шестнадцать гиней и еще добавил несколько.

«Прошу тебя, доберись до порта. Высмотри баржу, которая отправится в Амстердам и выпроси места для пятерых». Увидев сомнение в глазах слуги, он добавил: «Ну, или место в трюме... Чего бы это не стоило. Если не хватит, скажи, что я потом еще добавлю». Этому латышскому парню дальнейших разъяснений не потребовалось. Взяв деньги, он ушел.

«Я надеюсь, его не обкрадут по дороге», – поделился он с Юлией, которая ловко, за какие-то секунды, смогла поправить истерзаный туалет и нынче смотрелась весьма rispetабельно.

«Не обкрадут. И баржу для нас он найдет», – повторила она прежним, неподражаемым голосом, от которого барону захотелось продолжить действия, прерванные явлением слуги.

«Откуда ты знаешь?» – выдохнул Кристоф.

«Тсс...», – Юлия провела указательным пальцем по его губам, призывая к тишине. Затем скользнула ниже, к глубокой ямке на его подбородке, и еще ниже, к горлу, шее, впадине между ключицами... Далее фон Ливен уже не позволил ей продолжать. Отведя ее руку, он подхватил ее и бросил на кровать...

CR (1824)

Наверное, многие слышали про Барбару-Юлию фон Крюденер. Кто-то – особенно девицы – зачитывался ее романами – на мой вкус, весьма посредственными, про роковую любовь и страдающих девиц. Кто-то знает ее как «пророчицу», «жену, облеченную в Солнце». Но я – да и не один я, надо полагать – узнал ее как учительницу древнего *Arts Amandi*. И это – в охваченном революцией Антверпене, в страхе, что нас могут счесть подозрительными, что хозяин «Золотого Петуха» нас выдаст властям (хотя позже оказалось, что да, Йост ван Буссум состоял 20 лет в Братстве), с постоянной тревогой в сердце, что моего слугу ограбят и убьют, а из города мы так и не выберемся. Я могу сказать, что мадам фон Крюденер стала моей первой настоящей женщиной (всевозможные простолюдинки и шлюхи, которыми я лакомился с 13 своих годов – не в счет). И она научила меня плотской любви во всей полноте. Так, что я потом мог этим поделиться со своими избранницами.

...Если вы видели ее портреты, то можете понять, что образцом красоты моя тогдашняя спутница никогда не была. В других обстоятельствах я бы ее, возможно, даже не заметил. Но в ней была грация и вот это *je ne sais pas quoi*, которого, подчас, нет и в признанных красавицах. Ее самой обворожительной чертой был голос. Чтобы влюбиться в Юлию без памяти, достаточно было всего лишь закрыть глаза, и слушать ее – причем неважно, что именно она при этом говорит. Неудивительно, что мы вели длинные беседы обо всем на свете. С виду было сложно сказать, сколько ей лет, и я страшно удивился, когда она назвала свой истинный возраст – на десять лет больше моего. В силу своей юности я считал даже мужчин, которым удалось перевалить за тридцатилетний рубеж, стариками, – что уж говорить о дамах?

Когда оказалось, что Юлия стала пиетисткой, а потом и пророчицей, и даже возымела особое влияние на государя, который после Большой войны проникся мистическими настроениями, я долго недоумевал: как та, которая была близка к Розе и Кресту, решила возгордиться настолько, что отринула наши заповеди? Уж не выдаст ли она Тайну?

Многие из нас ее осуждали и называли самыми мерзкими словами – очевидно, из страха, что она возомнила себя Магистром и решила провести ни много ни мало – посвящение самого

Государя. Одно из этих не всегда справедливых обвинений правдиво – баронесса фон Крюденер и в самом деле была большой авантюристкой. Чего стоит ее поездка по охваченной пожаром возмущений и войн Европе в 1790-х? Не каждая может на это решиться. А ее роль в тайной дипломатии тоже многого стоит.

...Я встречал ее в 1817-м. Юлия дала понять, что прекрасно все помнит, я же притворился, что вижу ее впервые. Невольно вспомнились мне строки из Катулла – некий Постум делил ложе с блудницей, которая затем стала жрицей Дианы. Как и этот герой, я желал воскликнуть: разве ты достойна общаться с Богами? Баронесса, конечно, сильно переменялась, превратившись в благообразную старушку. Но ее голос остался прежним – закрыв глаза, можно было представить ее четверть века тому назад. Если она таким голосом рассказывает Государю – и все желающим – о Господе, то представляю, сколь много поклонников она собирает и скольких она вгоняет в экстаз своими проповедями – причем в экстаз далеко не только религиозный. Неудивительно, почему Юлия достигла успехов именно на этом поприще.

Ее дочь София, которую я помню маленькой девочкой, продолжила дело матери, но у нее не было таких способностей, да и замужество, пусть даже с приверженцем мадам Крюденер, положило конец ее деятельности. Сама Юлия умерла в 1824-м в Крыму, подорвав здоровье постоянным умерщвлением плоти. Похоронили ее там, где она скончалась, – Фитингофы от нее отреклись окончательно, Крюденеры, включая ее старшего сына Павла, которого она бросила с отцом совсем малюток, ее ненавидели. Я же стараюсь хранить воспоминания о той, какой она была в 1794-м – решительной и вдохновенной, расчетливой и разумной.

О судьбе шеваляе де Фрежвилля, с которым я поссорился и помирился на протяжении 10 минут, я расскажу отдельно. Мы с ним тоже встретились. Но не через 20 лет, а гораздо раньше...

Антверпен, октябрь 1794 года

Якоб явился под утро, когда его отчаялись ждать. «Насилу смог договориться», – сообщил он своему господину и его любовнице. Они уже собрались, забрали у Йоста Софи с ее няней, и собрались в ожидании отхода. Трактирщик сообщил, что к нему уже подходили с предложением – или, скорее, требованием – взять постояльцев-французов, поэтому надо было им выезжать. Впятером у самого него они не поместились бы, и делать ничего не оставалось, кроме как попытать судьбу и попробовать выбраться из Антверпена рано утром, пока все еще спали.

Якоб потом рассказал, что выиграл у капитана баржи «Эглантина» место в трюме. Но надо было поспешить, так как отправлялись они через полчаса.

...«Эглантина» перевозила в Амстердам дрова. Они спустились в трюм, и лишь только баржа отчалила, их всех сморил нервный сон. Сырость, зябкий холод, поскрипывание кормы, плеск холодных волн, тяжелые шаги, время от времени раздающиеся сверху – ничто не мешало им. Проснулись только тогда, когда уже причаливали. Софи няня все не могла добудиться. «Что с ней?» – обеспокоенно прошептала Юлия. «Горячая вся», – грустно проговорила нянька. «Mein Gott», – вздохнула она. – «Как не вовремя. Ну ничего. Надеюсь, доктор сможет с этим что-то сделать».

Столица Нижних Земель встретила их туманом. Шпили церквей, изогнутые линии крыш, мачты кораблей в порту даже серая неподвижная гладь каналов – все тонуло в белой дымке. Они сошли на берег после того, как баржу разгрузили и отвели в западный док.

Юлия, казалось, знала, куда им следует отправляться дальше. «Laurielgracht, дом под лебедем», – сказала она первому встреченному им извозчику.

Баронесса тихо пояснила: «Там тебя встретит тоже наш человек... Оставь у него бумаги. И далее – жди».

«Снова ждать?» – Кристоф сказал несколько разочарованно. – «Кого же на сей раз?»

«Тебе должно прийти назначение», – продолжала Юлия.

«Но... как же ты?»

Извозчик оглянулся при этих словах. Потом проговорил на чистейшем французском: «Не беспокойтесь, m-g le wagon. „Мария-Амалия“ отправляется в Копенгаген сегодня вечером», – Фрежвилль, а это был именно он, снял картуз и добавил: «Как видите, кучером мне притворяться идет».

«О Шарль!» – воскликнула Юлия. – «Я так рада, что тебе удалось вовремя скрыться. Ты не представляешь, что там было...»

Кристофа слегка покорило ее поведение. Значит, баронесса с ним просто развлекалась от нечего делать, тогда как сердце ее принадлежит Шарлю?

«Ничего особо страшного не случилось, если даже мой слуга смог найти нам место в барже», – прервал он ее.

«Ваш слуга в этом деле куда более сподручен», – проговорил шевалье ироничным тоном. – «Вы же, я думаю, не владеете фламандским? И не играете в брик-о-бра?»

Кристоф снова вспомнил про то, что, несмотря на формальные извинения, от вызова не отказался. Но сейчас – не время и не место напоминать о нем.

«Я не силен во французских забавах», – не нашел ничего лучшего, что сказать, барон. Далее он хранил угрюмое молчание, пока Юлия, как ни в чем не бывало, болтала со своим предыдущим кавалером. Кристоф чувствовал себя обманутым в лучших чувствах. И гнев его, как водится в таких случаях, обрушился, в том числе, и на даму, подарившую его своей благосклонностью.

...Они остановились у одного из бесчисленных домов, выстроенных из красного кирпича и обрамляющих канал в одном из предместий города. Юлия стукнула три раза ручкой двери в форме грифона. Открыла высокая, несколько нескладная девица в черном платье. Ее вьющиеся белокурые волосы выбивались из-под белого кружевного чепца. «Анализа?» – спросила баронесса. «Нет, мадам. Фемке... Фредерика», – поправила левица, косясь поминутно на Кристофа и Фрежвилля. – «Ой, а как же малютка? Вы ее оставили?»

«Ну как же можно, Фемке?», – улыбнулась Юлия. – «Но ей не очень хорошо. Кажется, жар поднялся». «О Боже!»

«Отец дома?» – спросила баронесса.

«Покамест нет. Но он непременно посмотрит Софи, как только придет», – Фемке уже рвалась взять заснувшую девочку из рук няньки. – «Надеюсь, ничего опасного».

«Ужасно не вовремя. Нам уже вечером надо отправляться в Копенгаген...»

Девица Фемке проводила их в гостиную, обставленную весьма скромно – полосатые бумажные обои, два гобелена со сценами охоты, портрет пожилой женщины в черном платье и белом воротнике, хмуро вззирающий со стены напротив окна. Высокие окна занавешены были темно-коричневыми портьерами, что делало комнату крайне мрачной. Несмотря на день, на каминной полке горели свечи. Фемке продолжала хлопотать над девочкой, распорядилась, чтобы приготовили спальню. «Доктор ван дер Сханс многому обучил дочь», – заметил Фрежвилль. – «А где вторая?»

«Я сейчас ее приведу», – проговорила между прочим Фемке. – «Пусть побудет с вами, пока мне некогда».

Анализа вышла откуда-то из боковой двери. Шла она довольно неуверенно, опираясь о стену, и Кристоф поначалу подумал, что она хромая. «Младшая дочь доктора очень плохо видит», – шепнула ему Юлия, увидев его взгляд, направленный на девушку. Первым порывом его было встать ей помочь, но он понятия не имел, прилично ли. Кроме того, Аннализа явно ориентировалась в доме. Она поклонилась всем. Кристоф смог ее рассмотреть. Она была пониже ростом, чем ее сестра, черты лица помягче, в движениях виделась осто-

рожная плавность. Глаза у нее были синие и неподвижные, с длинными ресницами. Зрение не мешало ей весьма оживленно участвовать в светской беседе, и девица, казалось, знала, кто находится перед ней. Кристоф счел своим долгом представиться, и та весьма пленительно улыбнулась ему.

«Аннализа очень талантлива», – проговорила Юлия. – «Вам надобно услышать, как она играет на флейте».

«Ах, вы мне льстите», – девушка зарделась. – «Это сущая безделица».

«Однако ж вы сами сочиняете музыку. Причем такую, что ее следует услышать более широкой публике», – произнес Шарль-Луи. Вскоре к ним присоединилась Фемке. Разговор пошел в обычном ключе – ужасы революции, приближение войны. «У нас же тоже вот-вот восстанут», – заговорила старшая из дочерей доктора ван дер Сханса. – «И стадахудера нашего доброго свергнут. Надеюсь, не казнят».

«Он может бежать», – проговорил Фрежвилль. – «И, если он не совершит такую глупость, какую совершил наш Луи, да будет земля ему пухом, и не пойдет договариваться с вашим Парламентом, то у него есть все шансы».

«Я слышала, что с англичанами он уже сговорился», – понизила голос девушка. – «За это, кстати, его и хотят свергать. Но даже если придется бежать, то только по морю. А зиму обещают суровую – у нас уже дров не напасешься. Как бы не замерз пролив».

Кристофа поражало, как осведомлена, оказывается, эта, на первый взгляд, легкомысленная девица. По-французски что она, что сестра болтали как на своем родном.

«Что думает ваш отец, мадемуазель Фредерика?» – спросил Фрежвилль.

Та задумалась. Наконец, проговорила: «Вы знаете, он человек своеобразный. Никогда не поддерживал Оранских. Но я бы не сказала, что ему нужна революция. Здесь и так люди бедствуют. А еще и кровь если прольется...»

Аннализа внезапно проговорила, обернувшись к Кристофу:

«Monsieur фон Ливен, а в России возможна революция?»

«Никоим образом», – уверенно проговорил он. – «Попытки уже были, причем ровно двадцать лет назад. Но наша государыня справилась...».

«Так это был бунт черни, насколько мне известно», – поправил его шевалье. Кристоф возмущенно посмотрел на него. Так и хотелось высказать, что пять лет назад такие, как этот Фрежвилль, тоже сочли поход на Версаль «бунтом черни» – и до сих пор огребают последствия своего легкомыслия.

«Я не вижу различий между бунтом и революцией», – проговорил Кристоф. – «Одно легко переходит в другое».

«Я соглашусь с вами, Monsieur le Baron», – поддержала его Фемке. – «Но где же отец? Нам пора уже обедать».

Доктор ван дер Сханс пришел в тот момент, когда кухарка, заглядывая в кухню, жаловалась на то, что скоро весь обед остынет. Он оказался невысоким человеком в толстых очках, в неприятном темно-лиловом сюртуке и скромном тупее, перевязанном черной лентой. После церемонии знакомства он проговорил: «Удивительно работает эта ваша служба. Донесение я получил сегодня утром. После обеда, Monsieur le Baron, пожалуйста в мой кабинет. А пока я осмотрю mademoiselle Sophie».

...Выйдя из спальни через 10 минут, доктор объявил, что у девочки ничего серьезного нет, и жар, судя по всему, спал – она пропотела.

«Наверное, все от нервов и лишений. Вы сами, мадам Юлия, на ногах еле стоите. И перенести нельзя?»

«Это единственный корабль», – отвечал за нее Фрежвилль. – «А события в Антверпене показали нам, что ждать нельзя».

Последовал ужин, который они съели в абсолютном молчании, без всякой светской беседы. Кристоф не осознавал раньше, насколько он, оказывается, был голоден. Кушанья же были простые, но довольно сытные.

После трапезы он поднялся с доктором ван дер Схансом наверх. Кабинет его был обставлен банками с какими-то жидкостями и порошками, чучелами зверей и птиц, некоторые из которых Кристофу были неизвестны, а в углу, к потолочной балке был подвешен целый человеческий скелет. Открыв шкатулку из розового дерева, размещенную на столе, доктор вынул послание.

«Мне еще приказали это расшифровать, но я, увы, не в силах».

Кристоф открыл конверт, бегло просмотрел его содержимое глазами.

«Это мой собственный шифр», – улыбнулся он.

«Вот как?» – доктор был слегка удивлен. – «Да вы человек больших познаний».

«Вы мне льстите, Monsieur le docteur», – улыбнулся он. – «У вас не найдется пера или карандаша?»

Через десять минут Кристоф смог прочесть готовое послание.

«Ничего не понимаю», – прошептал он. – «Лондон... Наследник французского престола. До декабря...»

Доктор ван дер Сханс пристально смотрел сквозь стекла очков.

«Молодой человек, вам оказана большая честь», – сказал он с ноткой иронии в голосе. – «Вы можете повлиять на судьбу Франции».

«Генерал Корсаков повлиять не мог», – Кристоф вспомнил, что его принципал до своего отправления во Фландрию состоял при «дворе» графа д'Артуа и вспоминал свое тогдашнее назначение совсем не лестными словами. – «А я кто? Всего лишь поручик, да еще из державы, своего интереса тут не имеющей».

«В этом весь и смысл», – доктор перешел на шепот, и огонь загорелся в его синих, как у младшей дочери, глазах. – «У вас будет полная свобода действий. Кроме того, вы же помните: *«Те, кто ищут, обрящут. Тех, кого ищут, найдут»*».

Кристоф побледнел и начал искать глазами изображение розы. Поймав его взгляд, доктор усмехнулся и покачал головой: «Я осторожнее других. Моя степень того требует. Поэтому, будьте добры, m-g le vaon, поверьте мне на слово».

«Что именно мне предстоит делать?» – Кристоф окончательно помрачнел. – «И с какими аккредитациями мне выезжать в Лондон?»

«Если вы отправитесь прямо сейчас, это будет подозрительным», – доктор скрестил пальцы. – «Не откажетесь ли пользоваться моим гостеприимством в течение двух недель? Дочери мои составят вам компанию. И, кстати, за это время придут более подробные известия». Кристофу ничего не оставалось делать, как согласиться.

...Расставание с Юлией получилось скомканым. Та явно спешила, к тому же, присутствовал Фрежвилль, рядом с которым показывать какие-то проявления чувств Кристофу не хотелось. Но баронесса все же приобняла его за плечи и шепнула на прощание: «Прощай и прости за все».

После того, как «Мария-Амалия» снялась с якоря и отправилась на северо-восток, Фрежвилль проговорил: «Вот как. Оказывается, теперь от вас зависит наша участь».

Кристоф понял, о чем говорит шевалье. Судя по всему, о сути поручения он знал довольно подробно.

«Но вы должны мне поединок», – повторил он вслух.

«Пустое. Я убедился в вашей смелости и чести», – продолжал Фрежвилль. – «Вас ждут настоящие и куда более кровавые поединки с якобинцами».

«В Лондоне?» – усмехнулся барон. – «Скорее уж, там моими соперниками станут такие же, как вы».

«О нет», – на чувственных губах Фрежвилля показалась тонкая улыбка. – «Нам с вами предстоит сражаться под одними знаменами».

«Вот как?»

«Подробности узнаете через две недели. А покамест мне нужно поспешить к своему повелителю. Скоро в Роттердам отплывает баржа „Розалина“. Оттуда я следую в Саутхемптон на „Палладию“. Запомните маршрут и названия кораблей, так как вам, кроме меня, никто вам их не скажет». – говорил Фрежвилль довольно деловитым тоном.

«И да, не держите обиды. Юлия – писатель, и как любому творцу, ей нужны музы. Считайте себя ее вдохновителем и молитесь, чтобы вас не вывели очередным графом де Линаром», – усмехнулся он. – «А пока наслаждайтесь компанией Фредерики и Аннализы. Девушки хорошенькие, да вдобавок еще и просвещенные. И я заметил, что, та, которая может вас разглядеть, глаз с вас не сводила, а та, которая видеть не может, слушала только вас». «Прощайте», – сухо проговорил Кристоф и пошел стремительным шагом от него, не оглядываясь. Продолжать знакомство ему очень не хотелось. Шел мелкий холодный дождь, фонари тускло светили, едва развеивая марево. Незнакомый город с его стылгой водой, прижавшимися друг к другу мрачными домами, казался ему враждебным существом.

...Вернувшись домой, Кристоф почувствовал, что заболевает, и к ужину не вышел, сразу же отправившись в постель. Ночью ему снились какие-то ужасы, – будто он тонет в окровавленной воде, хочет выплыть, но неведомая сила тянет его на дно. Проснулся поздно утром с сильным жаром, болью в горле и ломотой во всем теле – сырость и холод взяли все-таки свое. Впрочем, болезнь была ему сейчас с руки – чем заняться в этом городе на протяжении двух недель, а то и дольше, Кристоф не знал. А лежа в постели, рассматривая причудливые синие изразцы на печке, то и дело забываясь прерывистым сном, он мог слегка отдохнуть. Тем более, что обе девушки, особенно Фемке, были довольно участливы и заботливы.

CR (1817)

Одна из моих особенностей – я заболеваю всегда в самый неподходящий момент. А болею я хоть нечасто, но всегда тяжело и подолгу. Но иногда судьба – и мое тело – оказывают мне милость, и посылают хворь тогда, когда мне уже был уготовлен неизбежный рок. Не знаю, от какой напасти избавила меня эта злополучная горловая болезнь в октябре 1794-го, но чувствую, что я подхватил ее не просто так. Если б я был здоров, я бы наверняка постарался уехать в Лондон – или дать о себе знать – гораздо раньше положенного. И, возможно, навлек бы на семейство нашего связного опасность.

Во-первых в Амстердаме уже началось примерно то же, что и в Антверпене. Так мне передавала Фредерика ван дер Сханс. Ее отец был куда более сдержан в оценке политики. Принц Оранский низвергнут, и здесь вот-вот объявят так называемую «Батавскую республику». Его семья должна была удалиться в изгнание. Французы уже подступили к Лейдену, в 30 верстах отсюда. Когда я поинтересовался, будут ли резать аристократов, Фемке (так ее называли – я так и не понял, то ли как сокращение от Фредерики, то ли это было одно из ее имен) рассмеялась и сказала, что аристократы здесь все в Гааге, и их почти не бывает. Но чернь, возмущенная подстрекателями, вряд ли будет требовать предъявить герб и родословное древо, прежде чем повесить на фонаре – скорее всего, «подозрительными» окажутся все, кто выглядит более-менее респектабельно.

Выздоровел я дней за шесть, но доктор настоятельно рекомендовал мне «продлить» свою болезнь, хотя все необходимые бумаги пришли. Мне также решили выправить поддельный паспорт. По нему я назывался Яном-Корнелиусом ван дер Бейком, голландским негоциантом. От местных повстанцев эта бумага меня бы не спасла, но от британской подозрительности – вполне. Передышка эта пошла мне на пользу, тем более, я был рад уютной крыше над головой и компании милого семейства.

Глава 4

Лондон, 1794 год

Туманная молочно-белая зыбь, подсвеченная румянцем утренней зари, покрывала прибрежные скалы, но их очертания вполне можно было различить. Это зрелище было первым, что увидел Кристоф ранним утром, выйдя на палубу приближающейся к британским берегам шхуны «Палладия». В воздухе чувствовалась сырость, поэтому раскурить трубку ему удалось не с первого раза. В голове царил странная легкость, как всегда после бессонной ночи, проведенной за каким-то занятием. Странно – ныне он приобрел другое имя, которым и представлялся своим вчерашним партнерам по карточному столу. К счастью, голландцев среди них не оказалось, иначе бы они сразу поняли, что господин ван дер Бейк говорит на их наречии крайне неуверенно и держится иначе, чем положено обеспеченному негоцианту из Нижних Земель – слишком уж видна развитая бесконечными военными упражнениями выправка, да и отсутствовало такое характерное для представителей голландского купечества туповато-надменное выражение лица. «Корнелиус ван дер Бейк» в исполнении Кристофа оказался весьма щеголеватым и романтичным молодым человеком – на его плечи был наброшен новенький черный редингот, белокурые кудри перевязаны алой атласной лентой. Сложно было догадаться, что сей изнеженный щеголь в любой момент готов вырвать из-под полы плаща пистолет или чувствительно двинуть обидчику в бок кулаком с зажатым в нем кинжалом. Вчера ничего этого делать не пришлось, хотя некий эльзасец, по имени, кажется, де Клесси, явно пытался его надуть. Спасло лишь то, что Кристоф быстро вышел из игры с ним. Но следовало ли размениваться на подобные пустяки? Еще пару раз некий бритт, на редкость разговорчивый мальчик, пытался выяснить, из каких он ван Бейков – groningenских или же utrechtских, так как в Амстердаме не знает никого с такой фамилией. Кристоф сам не понял, как соврал что-то – кажется, упомянул, что дядя из Groningen недавно передал ему дело. Если бы плаванье продолжилось на сутки дольше, разоблачения были бы неминуемы, но нынче, через пару часов, «Палладия» уже зайдет в гавань Саутгемптона, и их пути разойдутся.

Более всего барона будоражило его новое поручение. И он постоянно спрашивал себя: а почему эти люди, как бы они не звались, так верят в него? Ведь он может завалить все дело хотя бы неудачным маскарадом или невпопад сказанным словом. За кого они его принимают? Или он для них – лишь один из многих?... Хотя последнее предположение было менее лестным для его юношеского самолюбия, оно виделось ему наиболее реальным. Не один он получал таинственные записки и имел беседу с Армфельтом. Но отчего-то хотелось верить в обратное. И было предчувствие, что эти выбеленные временем скалы, которые стали видны более отчетливо, он увидит далеко не впервые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.